

Александр Фомичев

РАТНИКЪТ

НА АРЕНА КЪЗГАРА

Ратибор

Александр Фомичев

Ратибор. На арене Кузгара

«Автор»

2024

Фомичев А.

Ратибор. На арене Кузгара / А. Фомичев — «Автор»,
2024 — (Ратибор)

ISBN 978-5-532-90761-4

Восьмая часть сказания о богатыре Ратиборе поведает нам о вынужденном путешествии могучего великана за Тёмное море, в самое сердце лютого противника, а именно в Нуразим, блистательную столицу Ослямбской империи. Удастся ли рыжебородому витязю пережить невыносимую горечь утраты своих родных и близких? Получится ли не сломаться в плену? Сдюжит ли он выстоять на легендарной арене славы, куда его не преминут отправить охочие до мести и наживы враги? Захватывающие приключения «рыжего медведя» в самом разгаре!

ISBN 978-5-532-90761-4

© Фомичев А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Сквозь печенежские степи	5
Глава 2. По водной глади	8
Глава 3. Амарак	19
Глава 4. В пути	23
Глава 5. Прибытие в Нурызим	30
Глава 6. Кузгар	32
Глава 7. Знакомство	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Фомичев

Ратибор. На арене Кузгара

Глава 1. Сквозь печенежские степи

– Нет, ну посмотри, варвар, на этот прекрасный палаш! Не узнаёшь? – с опутанным цепями Ратибором, привязанным толстой пеньковой верёвкой за массивное кольцо в железном рабском ошейнике к задку одной из телег в обозе, гружённом награбленными в Мирграде ценными мехами, снова поравнялся Зелим, тысяцкий аскеров. Статному черноволосому командиру осов на вид можно было дать не более двадцати семи – двадцати восьми лет. Картинно гарцуя рядом на гнедом красавце жеребце, нахальный шалмах, издевательски хохотнув, в который раз показал «рыжему медведю» свой трофей – великолепный булатный меч Яромира, подобранный да присвоенный им в Соловьином переулке после приснопамятной рубки двух богатырей с полчищем осямлов. В очередной раз подъехав к гремящему оковами мрачному великану, всю дорогу непоколебимо хранящему молчание, Зелим опять принялся хвастаться перед дюжим пленником своим новым, явно ему очень нравящимся двуручным клинком. Похоже, чванливый тысячник испытывал определённое непотребное удовольствие, бахвалясь перед рыжим исполином столь тому знакомой обоюдоострой узорчатой сталью.

– Эх, ножны вот только не нашёл... Ну ничего!.. В Нурызим приедем, уж я не поскуплюсь, славный кожих ему закажу! Нет, но какое шикарное оружие! Не твоё ли, часом?.. – продолжал изгаляться Зелим. По настойчивой просьбе принца Джушукана, брата императора Эдиза, приставленный военачальником Геркантом к Ратибору темнокудрый тысяцкий, принадлежавший к знатному, богатому роду осямбской аристократии, в силу природной заносчивости, впитанной с молоком своей высокородной матери, да соответствующего барского воспитания, а также, очевидно, просто из-за элементарной скуки нашёл себе в пути развлечение, регулярно кичась перед могучим русичем да задирая его по поводу и без.

Зелим пока ещё не решил, как ему относиться к своему новому назначению. С одной стороны, с его благородным происхождением, конечно, не пристало присматривать за обычным рабом. И в то же время шалмах хорошо осознавал, что раб-то как раз – отнюдь не простой. Командир тысячи лично видел, на что способен «рыжий медведь», ибо находился в той самой толпе аскеров, что позорно ломанулась вон из Соловьиного переулка на Торговую аллею, подальше от разъярённого варвара. Всего от одного. Быть может, те неприятные, старательно гонимые прочь воспоминания о липких, никогда ранее не ведомых ему путях ужаса, ледяной испариной покрывших тело молодого вельможи в момент панического бегства, и были основной причиной, на подсознательном уровне заставляя его теперича отыгрываться за то невероятное унижение, кто знает.

– Часом, моё! – неожиданно прервав своё затянувшееся молчание, впервые за время данного нелёгкого путешествия вдруг хрипато пророкотал Ратибор, из-под кустистых бровей сверкнув неукротимым яростным взором на надменного всадника. – Посему береги как зеницу ока этот палаш! Я вскоре приду за ним. И за то, что добрые ножны ему сварганишь, так уж и быть, не отверну твою тупую башку в тот же миг, как заберу своё! Дам тебе второй шанс на жизнь. Что со мной очень редко бывает, учти. Можешь не благодарить. Ну а уж коли не прочухаешь, барашек твердолобый, как тебе свезло, и снова попадёшься мне на зыркули, то уж не обессуди – при повторной встрече развалю на две мандаринки. Не обещаю, что на ровные!.. – Ратибор всегда умел заводить «друзей». Не изменил он себе и в этот раз.

– Аха-ха-х, заговорил, наглец рыжезадый! Но лучше бы ты молчал!.. – Зелим, поначалу удивлённо загоготавший от дерзких речей рыжебородого витязя, вдруг резко осёкся, придя к

выводу, что не помешало бы и оскорбиться столь явному неуважению со стороны ещё недавно грозного, а нынче пленного, грязного, избитого, покрытого засохшей кровавой коростой да дорожным прахом, закованного в кандалы дикаря, размеренно бредущего следом за тоскливо скрипящей повозкой. – Ибо за столь охальные словоизвержения я тебе устрою «веселенькую» жизнь на Тёмном море! Ха!.. Она и так у тебя должна была стать не сладкой, чай, не на финиковой пальме восседаешь, но теперича я удесятрю твои страдания, обещаю! Мне приказано доставить тебя в Нурызим живым, но отнюдь не невредимым, хе-хе!.. До встречи на галере! Совсем скоро я полюбуюсь, как ты визжать будешь!.. – мстительно прошипел черноволосый тысячник и, «приласкав» хлыстом по крупу своего гнедого скакуна, тут же умчался галопом прочь, к авангарду возвращающейся домой из военного похода нескончаемой колонне Ослямбской империи, подняв при этом тучу пыли, накрывшую молодого богатыря с головой.

Многотысячная армия аскеров, растянувшись на десятки вёрст, вот уж восьмые сутки неторопливо брела по казавшимся Ратибору поначалу бескрайним угодиям печенегов, с каждым днём всё более приближаясь к Тёмному морю, где несметное воинство ждали бесчисленные корабли Солнечной державы, готовые переправить аскеров назад, в земли Ослямбии.

Раздетый по пояс рыжеволосый боец, уныло брэнча пудовыми цепями, тяжело плёлся позади гружённого награбленным в Мирграде добром обоза, расположившегося примерно в середине бесконечного потока вражеской армады, вроде бы с обыденным для Ослямбской империи триумфом возвращающейся с очередной победоносной войны. Но настроения в великой орде в большинстве своём царили отнюдь не триумфальные, поскольку здравомыслящие умы, коих в достатке имелось среди не спеша плетущихся шеренгами воителей, прекрасно осознавали, что понесённые потери отнюдь не соизмеримы с одержанной победой. Ибо сгубить примерно одну треть от более чем стотысячного войска при осаде относительно невеликого городка дикарей, это ведь надо очень, *о-о-чень* постараться. У многих в голове не укладывалось, как Мирграду, располагающему ратью, уступающей ослямбскому воинству самое малое в десять раз по численности, удалось так серьёзно потрепать непобедимое скопище осов. Ну и порченой вишенкой на торте служило то, что как минимум половина из павших под стенами белокаменной столицы непокорного княжества русов являлась бойцами нескольких покорённых, вассальных государств, коих, похоже, император Эдиз просто использовал в качестве пушечного мяса, явно не дорожа ни капли их жизнями.

Только недавно вифирийцы, лидийцы, дакийцы, шварийцы, ялминцы да фраксы с алгурийцами, составлявшие основную силу союзных армий, осознали, как же их жестоко обманули, чуть ли не целенаправленно уничтожив значительную часть тамошних воинов, раз за разом бросая на убийственные кровавые штурмы неприступного города лучшие легионы присягнувших в верности держав. В награду же они не получили ничего, кроме жалкой кучки ценной пушнины. Посему скверные, даже враждебные по отношению к владыке Ослямбии настроения у весомой части подданных из возвращающейся в родные пенаты всесокрушающей орды были вполне объяснимы. Единственной радостью для многих оказалось лишь долгожданное завершение военной кампании, ибо, начиная с момента отбытия в далёкие края, почти уж год как минул, не меньше. Впрочем, своего недовольства таким огромным количеством убитых открыто никто не высказывал, так как подобные непозволительные откровения, негодные высшему сословию Ослямбии, обычно чреваты для вассалов крайне неприятными последствиями. Оттого и раздавался возмущённый, озлобленный, но негромкий, а точнее, едва слышимый ропот, лишь в ночной тиши, у походных костровищ покорённых народов.

Ратибор на таковых привалах за всё время своего пленения не проронил ни слова. Зато раздражённые, ворчливые перешёптывания легионеров, разъярённых необязательными потерями, наострив уши, впитывал как губка. Негодующие повизгивания явно заинтересовали молодого богатыря. Кормили и поили его раз в день, более не уделяя ему времени, и, уж совершенно точно не смущаясь, говорили при «рыжем медведе», что накалило на душе. Чего стес-

няться покойника? Ну а в том, что могучий русич – ходячий мертвец, никто из осямбских воителей не сомневался. Ведь знаковый слушок пролетел по рядам аскеров, что именно огнегривый варвар убил Байвариса, любимого младшего братишку военачальника Герканта. А это значило лишь одно: пленный рус более не жилец на белом свете. Даже несмотря на то, что ему покровительствует сам принц Джушукан, второй в роду правящего дома Кайя. Уж командующий осямбской ордой найдёт способ, как поквитаться за пролитую родную кровинушку. То, что Геркант не забудет и не простит, сомнений не вызывало. Кровь за кровь, око за око, клык за клык: древний, незыблемый закон мироздания, по которому испокон веков жило человечество.

В пути изрядно пригорюнившийся Ратибор постоянно прокручивал в голове, как так вышло, что он лишился всего самого дорогого на свете. Тягостные мысли чугунными гирями давили на виски, нагоняя невообразимые тоску, боль утраты и печаль. Но невзирая на охватывавшее его порой нешуточное уныние, своевольный витязь так и не покорился злодейке-судьбе, всё время данного, мягко говоря, не самого лёгкого странствия упрямо топая на своих двоих под палящими лучами солнца. Впрочем, в середине сентября, что был сейчас в разгаре, не такого уже, слава богам, и жаркого, как летом. Да и в начале осени ветра по степи гуляли вполне себе прохладные, принося здоровенному узнику хоть какое-то облегчение. Как уже упоминалось, утолять жажду израненному и душой, и телом, но несломленному духом гиганту позволяли лишь единожды в сутки, на вечерних привалах, да и то затхлой водицей. К такому мелочному, но вместе с тем страшно мучительному истязательству как раз и приложил руку старший брат Байвариса, велел не поить строптивого пленника более необходимого для элементарного поддержания жизни.

– Вот когда встанешь на колени, упрёшься раболепно мордой в песок и слезливо взмолишься о позволении поцеловать мне ноги, тогда и погутаим о том, стоит ли тебе, собака рыжая, выделить ещё бурдюк с утреча! Через кого-нибудь из служивых кликнешь меня, как созреешь! – это были последние слова Герканта, брошенные им захваченному в плен русу. Больше они между собой не общались. Ратибор в ответ лишь презрительно сплюнул да решительно стиснул зубы, стойчески перенося выпавшие на его долю все тяготы и лишения невольничьих кандалов. Командующий, ехавший в авангарде армии, раз в день делал объезд возвращающегося воинства, но также более не приближался к молодому богатырю, лишь издали мимолётно окидывая того полным ненависти взглядом.

«Кабы не Джушукан, ты бы и дня не прожил, медведь непокорный!» – яростно сопя, каждый раз думал командарм осямбских полчищ, размашистой рысью проносясь мимо упрямого, гордого пленника, очевидно, посчитавшего ниже своего достоинства лобызать за мех с водицей грязные сандалии серьёзно на него обозлённого, мстительного военачальника.

Тем временем однообразно-тоскливо день тянулся за днём, заставив Ратибора сбиться со счёта, сколько уже суток он отмерил, стаптывая пятки в кровь, когда, наконец, растянувшаяся, казалось, аж до горизонта орда аскеров вышла к промежуточной цели своего путешествия: северному побережью Тёмного моря, где их поджидала раскинувшаяся по водной глади во всей своей грозной красе могучая флотилия Осямбской империи, насчитывающая не одну сотню кораблей.

Глава 2. По водной глади

– А ну, навались, отребье вонючее, покудова я шкуры с вас живьём не спустил! – властно пророкотал на всю палубу Гюрхун, среднего роста, но очень тучный, невероятно волосатый шалмах, зловеще щёлкнув по воздуху кнутом из сплетённых между собой воловьих сухожилий. Отличающийся садистскими наклонностями, вот уже четвёртый год занимающий должность главного надсмотрщика на галере с милым названием «Бешеная пантера», двадцатидевятилетний аскер успел печально прославиться на весь флот Ослямбии тем, что каждый раз по прибытии в какой-либо порт набирал чуть ли не полкоманды новых рабов и каторжников для гребли на вверенном ему судне. Причина была до банального обыденна: неимоверно жестокий Гюрхун, за малейшую провинность или вообще без таковой, просто-напросто собственноручно забивал до полусмерти в пути с десятков-другой невольников, при этом, похоже, испытывая нездоровое наслаждение, получаемое в первую очередь от самого процесса бичевания, а точнее, от жалобных, полных страдания и боли всхлипов да воплей истязаемых им несчастных гребцов.

Капитан корабля смотрел сквозь пальцы на данные, относительно невинные, по его мнению, шалости пухлого подчинённого, ибо полагал, что так выжимать все соки из своих подопечных, как это умеет делать Гюрхун, мало кому из надзирателей под силу. Тем более что новые рабы, коих подавляющее большинство шалмахов и за людей не считало, абсолютно ничего не стоили главному мореходу «Бешеной пантеры», ибо полностью оплачивались из государственной казны Ослямбской империи. Подобных привилегий были удостоены все суда, официально находящиеся на службе Солнечной державы и задействованные в торговле с соседями или занимающиеся извозом непобедимого аскерского воинства. Посему жизни невольников, приравненных своими хозяевами к бессловесной скотине, заботили капитана галеры куда меньше, чем приятные размышления о том, с чего же ему начать свой отдых в близлежащей портовой таверне сразу по прибытии к родному берегу: с чинного распития бутылочки белого алгурийского вина средней паршивости аль плюнуть на элементарные приличия да сразу от души отхлебнуть из бочонка с крепким шварийским элем.

Стоит ли удивляться, что Ратибор попал именно на эту «прославленную» посудину? Никак, тысячник Зелим, тоже присутствовавший на «Бешеной пантере», сдержал обещание устроить «весёлую» жизнь «рыжему медведю» на море. А может, военачальник Геркант опять постарался, снова напакостив так раздражавшему его русу, кто знает? Но явно не случайно пересеклись дорожки у надзирателя-садиста и молодого богатыря, ох, не случайно. Подтверждая вышесказанное, Гюрхун, окинув маленькими злобными пороссячими глазками сгорбившиеся спины бесправных несчастливцев, недобро вперился в блестящий от пота могучий, бронзовый от загара хребет рыжеволосого варвара, без особых проблем в одну моську управляющегося с непокорным веслом. Обычно за такими вёслами сидело по трое гребцов, но для Ратибора, конечно же, сделали исключение, приковав только лишь его кандалы к располагавшейся по правому борту одной из скамеек смертников, отполированной чуть ли не до зеркального блеска многочисленными костлявыми задницами предыдущих страдальцев, коим уже повезло отмучиться да отправиться отдыхать на небеса от такой кошмарной работёнки.

«Бешеная пантера» представляла собой типичную парусно-гребную галеру длиной в сорок три метра с довольно массивным тараном на носу и всего одной мачтой. Основной движущей силой этого грациозного, продолговато-хищной, слегка изогнутой формы корабля, чем-то напоминавшего по виду рифовую акулу, являлся ряд из двадцати четырёх вёсел по каждому борту. И лишь своенравного русича усадили одного на «адову банку»; в остальном же порядок нарушен не был; с каждым веслом под ритмичные гулкие звуки барабана синхронно двигалось по три человека, как и задумывалось изначально при постройке данного судна.

Стояло раннее утро. Солнце только-только выглянуло из-за дымчатого горизонта, задорными и вместе с тем безжалостно палящими лучиками бодро разгоняя спешно отступающую темень. Ратибор, прикованный, как и прочие бедолаги, за ошейник к невольничьей скамейке лицом к корме, размеренно грёб в такт, ничуть не уступая ни одной из вкальвающих на корабле троек рабов. А скорее всего, и вовсе превосходя любую из таких троиц. Здоровенные мускулы огромными валунами бугрились под загорелой кожей молодого богатыря, без видимых трудностей в одиночку справляющегося с громоздким, тяжеленным, неповоротливым веслом. Это было удивительное зрелище; все невольники-гребцы, собравшие по несчастью, вот уж вторые сутки нет-нет да поражённо косились на широкоплечего исполина, ожидая, когда же тот, наконец, сломается, выдохнется и свалится под скамью, ибо одному в таком напряжённом ритме, по их мнению, нельзя грести более получаса! Есть же, в конце концов, предел человеческих возможностей! И он, конечно, есть. Другое дело, что у всех этот самый предел разный. И Ратибор, без видимых признаков усталости второй день от рассвета до заката вкальвающий за троих, являлся тому наглядным примером.

– Смотри не разозли Гюрхуна, – чуть обернувшись, ещё в начале плавания через плечо быстро шепнул рыжебородому витязю один из сухопарых, практически голых, порядком измождённых гребцов, сидящих перед ним. – А то он тебя прям на этой проклятой лавке и заперет до смерти, как залупцевал предыдущее трио растяп, умудрившихся слегка сбиться с нужного темпа.

«Рыжий медведь» ничего не ответил на данное предупреждение, лишь с горечью подумав, что не так он себе представлял путешествие на манящий, неведомый Запад, куда собирався как-нибудь наведаться из праздного любопытства. Ох, не так!..

Между тем по довольно узкому, шириной всего в полтора метра помосту, пролежавшему между двумя рядами вёсел, периодически раздавая удары кнутом да яростно при этом бранясь, не спеша шёл потный Гюрхун. Как и предполагалось в первую очередь самим Ратибором, к главе надсмотрщиков «Бешеной пантеры» перед отправкой галеры в плавание обратились фактически с одной и той же просьбой два очень влиятельных и уважаемых в Ослямбской империи человека: тысячник Зелим, состоятельный наследник старинного рода Тупсов, и военачальник Геркант. Первый попросил уделить особое внимание одному рыжему варвару, устроив ему «райскую» жизнь за вёслами, а второй так и вовсе намекнул, что коль не доберётся до Нурызима этот пленный дикарь да сгинет где-нибудь в пути, не выдержав тягот и лишений долгого морского путешествия, горевать никто по нему не станет. При этом объёмистые карманы безумно любившего деньги Гюрхуна после каждого визита к нему именитых воителей значительно разбухли да отвисли от перекочевавшего в них золотишка, что не могло не радовать тучного скупердяя.

«За банальное выполнение любимой работы меня махом сделали гораздо богаче! Вот оно, счастье!.. – в очередной раз восторгался про себя явно довольный жизнью толстый надзиратель. – Вместе с тем это ведь несомненное признание великородными господами моих недюжинных талантов!»

Единственный нюанс, который слегка огорчал лучшего от гордости Гюрхуна, это то, что загнать требовалось всего лишь одного чужеземца. Данное задание представлялось надсмотрщику-сацисту совсем простецким; именно по его велению и усадили здорового русича в одну ряжу за весло. И сейчас рыхлый ос испытывал смешанные чувства, так же, как и все невольники на галере, дивясь, втайне восхищаясь, завидуя чёрной завистью и одновременно раздражаясь в душе тому, что этот молчаливый неутомимый «медвежара» до сих пор продолжает грести без усталости как ни в чём не бывало.

«Ну, ничего, – лениво размышлял лоснящийся на солнце пухлый садюга, уверенно направляясь к Ратибору, – видал я молчунов и похлеще! Вот только недолго они в тиши маялись! Сейчас и ты у меня, кабанёнок, аки журавль, закурлыкаешь! Знаю я отлично, хе-хе, как

заставить жалобно верещать кого угодно, даже безъязыкого! – Гюрхун в нетерпеливом предвкушении скорых изуверств пакостно оскалился, сделавшись чем-то похожим на взбесившуюся от жары гиену. – Да, надобно уже с этим угрюмым великаном поработать по-быстрому и на трапезу топать, а то в животе урчать начинает. Сейчас шкуру дикарю на ремни покрюмсаю, вечером закрепим, а завтра с утра и повторим порку! Через денёк он будет умолять меня его прикончить. Если, конечно, к тому времени сам ещё не сдохнет...»

– Не в такт гребёшь, скотина!.. – кнут взвился в воздух и, грозно просвистев над ближайшими рабами, испуганно вжавшими головы в плечи, со звонким щелчком опустился на мощную загорелую спину рыжебородого богатыря, оставив на ней наискось характерный глубокий кровавый след.

– Решил пощекотать чужака, господин? – противно хохотнул от кормы другой надсмотрщик низенького росточка. Илхамин, помощник Гюрхуна, был молод; лет восемнадцати-двадцати на вид, не больше. Но зато уже довольно упитанный, с заметным, специально им отращаемым пузиком; очевидно, глупый юнец очень хотел походить на своего начальника, так как явно считал, что у каждого важного мужа обязательно должно быть объёмное брюшко – по его мнению, неизменный атрибут преуспевающего барина. И чем это самое брюхо больше, тем, соответственно, и весомее положение данного мужчины в обществе. По крайней мере, сам Илхамин, помимо одеяний, именно по размеру живота определял, кто перед ним; почтенный высокородный вельможа аль бесправный простолудин. Молодой надзиратель вышел родом из обычных землепашцев. Но очень хотел быть похожим на чванливых светских аристократов. Хотя бы объёмом пуза.

– Да, есть такое! Слегка почесать этого рыжего буйвола промеж лопаток не помешает!.. – Гюрхун удивлённо цокнул языком, хмуро таращась на только что оставленную им кровавую полосу, пролежавшую через кряжистый взмыленный хребет могучего гиганта, а после obeжал недоумевающим взором уже всего огневолового богатыря, так же продолжавшего как ни в чём не бывало невозмутимо грести.

«Мне померещилось, или этот варвар даже не вздрогнул? Про вскрик вообще молчу... Не издал ни звука!.. Первый раз такое вижу! Любой другой на его месте уже голосил бы, аки хохлатый баклан, коему хвост выщипали и все перья в зад запихали!.. Любопытно, надолго ли хватит этого чужеземца?.. Сейчас продолжим да узнаем... – глава надзирателей смачно сплюнул на взмокшие от пота мясистые ладошки, торопливо обтёр их друг о друга да поудобнее сграбастал знатно потёртую рукоять бича. – Если это вызов, то будем считать, что я его принял!» – Гюрхун расплылся в гадливом оскале, привычно замахиваясь хлыстом по новой.

Ратибор же, стиснув зубы, молчал и терпел. В этот миг перед его глазами рваной вереницей проплывали родные, безумно дорогие ему лица. Любимая Марфушка; от её обворожительной, озорной улыбки с образующимися на румяных щёчках милыми ямочками он всегда таял, как снежок под тёплыми лучами весеннего солнца. Именно ей, этой лукавой, задорной смешинкой русоволосая красавица и пленила молодого богатыря в своё время. А ещё бездонными зелёными очами, в коих ершистый русич всегда тонул, как в таинственном, манящем, глубоком омуте. Далее привиделись Буреслав с Властой, его маленькие, обожаемые, шаловливые рыжекудрые топтыжки, своенравные да упрямые, как и их отец. И такие же неугомонные. Следом проплыл Емельян, этот непутёвый конопатый летописец. Зачастую бестолковый, надоедливый, наивный и безмерно раздражающий своим высокомерием, чванливостью да творимыми глупостями. И вместе с тем подкупающий поистине детскими ребячеством, непосредственностью да искренностью. Рядом с ним обозначилась его сестрёнка Злата, такая же дерзкая, гордая и норовистая; чуть поодаль примостилась скромная, обаятельная Жилька, с которой княжий племянник нежданно-негаданно для всех связал свою судьбу. Эх, так и не въехали они в новую избушку... А вот возникли и образы Мирослава, Яромира, Святослава, его друзей с малых лет, братьев по оружию.

«М-де, а ведь ещё за ними маячат Светозар, Добролюб, Перенег!.. Кто виноват в их гибели? – рыжебородый витязь лишь слегка морщился от страшных ударов опускавшегося ему раз за разом на спину жгучего хлыста, никак более не реагируя на безжалостные “поцелуи” плети. Похоже, Ратибор наказывал таким образом сам себя. – Я и повинен в смерти близких, к ворожею не ходи! Кто только не указывал мне на несдержанность, да разве я слушал!..»

– Ты что, мул рыжезадый, боли не чувствуешь?! – по левой щеке могучего гиганта, прервав его тяжкие, горестные думы, прилетела звонкая пощёчина. Недобро прищурившись, молодой богатырь сумрачно вперился яростным взором в неожиданно возникшую прямо перед его физиономией растерянную обрызгшую ряшку Гюрхуна. Знатно приложив по спине огнегривому бойцу с десятков раз своим, многократно проверенным в деле бичом, потный садист маленько ошалел оттого, что не наблюдает не то что ожидаемой, а вообще какой-либо видимой реакции на начатую им экзекуцию. Недоумённо осмотрев верный, никогда ранее не подводивший своего хозяина хлыст, а после и порядочно разлупцованные кровавыми сечками широ-ченные лопатки молчаливого пленника, глава надзирателей не придумал ничего лучше, кроме как поинтересоваться у скованного варвара, не занижен ли у него просто-напросто болевой порог. О данной, очень редко встречающейся у людей особенности организма, Гюрхун как-то слышал за кружкой эля в одной из портовых таверн от порядком набравшегося собрата надсмотрщика. И по мнению колобастого садюги, подобная причудливость, будь она свойственна рыжекудруму воину, всё объяснила бы! Ну и вклепленная пред тем непокорному дикарю хлёт-кая оплеуха, по опыту тучного истязателя, на пару с последующим воплем в рыло подходили идеально, дабы, так сказать, быстренько привлечь к себе внимание безмолвного витязя, явно находящегося мыслями вне этой галеры. На «Бешеной пантере» Гюрхун мог творить что ему вздумается, ведь здесь он был царь и бог для своих подопечных: несчастных рабов и каторжан, в подавляющем большинстве до конца их недолгой жизни вынужденных грести, пока есть силы.

«Кто посмеет мне перечить?!» – самодовольно кумекал про себя главный мучитель. Стоило ли говорить, что ответ на свой вопрос он получил тотчас, как только имел неосторожность приблизиться к Ратибору на расстояние вытянутой руки.

– А ну, иди сюда, помётёц куриный! – рыжебровый великан, мгновенно взбесившийся как от прилетевшей по щеке затрешины, так и от возникшей перед ним отвратительной, оплывшей «поросячьей» хари, прервавшей его тягостные измышления да душевное самобичевание, молниеносно сцапал расслабившегося главу надсмотрщиков за мясистую, жирную шею и тут же сжал стальные пальцы на его гортани. Ошарашенный происходящим Гюрхун, силясь вдохнуть хоть толику воздуха, в отчаянии забил короткими толстыми ручонками по могучей длани рассвирепевшего русича, но это было так же бесполезно, как безысходные трепыхания попавшей в паутину глупенькой мошки; железные тиски гиганта лишь ещё пуще сжались.

– Тебе, свиное рыло, как я погляжу, людей истязать нравится?! Попробуй-ка ты так же поизгаляться над рыбёшкой, а мы все вместе погогочем над твоими смешными потугами!.. – Ратибор, с секунду-другую полюбовавшись выкатившимися из орбит, очумевшими от происходящего мутноватыми глазищами рыхлого негодяя, взял его второй рукой за загривок да жёстко приложил огорошенной рожей об угол скамейки, на которой восседал в гордом одиночестве по велению ещё недавно бывшего таким напыщенным мучителя. От страшного удара на лбу у того мигом образовалась налившаяся кровью, здоровенная ссадина, а в очах оказавшегося в состоянии грогги изверга пропали зачатки разума. Тем часом огнекудрый исполин встал; одновременно с этим взмыл в воздух и обрызгший надзиратель; Ратибор легко поднял его тучные тела ввысь да живо перебросил через борт корабля, аки куль с навозом. Оглушённый ударом об лавку, грузный Гюрхун, даже не успев толком пискнуть, с шумным всплеском бултыхнулся в черняво-синеватые воды Тёмного моря и тут же камнем пошёл ко дну. По рядам рабов пронёсся еле слышный, одобрительно-восхищённый вздох, полный неприкрытого

облегчения и злорадства; садиста-надсмотрщика ненавидели лютой ненавистью все гребцы без исключения.

– Не уразумел... Что произошло?! – Илхамин, отвернувшийся буквально на минутку для того, чтобы справить малую нужду за борт галеры, шокированно осматривал палубу, силясь понять, что за сильный всплеск раздался за бортом и куда неожиданно-негаданно испарился его начальник. – Где уважаемый Гюрхун?! – наконец, обескураженные зенки молодого надзирателя испуганно вытаращились на Ратибора, присевшего назад, на «банку» и как ни в чём не бывало взявшегося за весло.

– Кажись, он, ента, за морскими сокровищами нырнул, – своевольный рус исподлобья мрачно уставился на враз оробевшего юного угнетателя. – Ежели подойдёшь поближе, него-раздок, я, так уж и быть, подскажу по доброте душевной, как можно шустренько, наикратчайшим путём отправиться вслед за ним. Там, на дне, наверняка найдётся и для тебя сундучок с драгоценностями, лепёха ослиная, да чтоб ты гадил только раз в год, да и то лишь при помощи шила да лекаря!..

– Караул!.. – истошно взвизгнул на всю мореходную ладью пузатый коротышка, выронив хлыст и ошалело попятившись по корме. – Бунт на корабле!.. Убивают!.. – схватившись за болтающийся на поясе нож, перепуганный надсмотрщик растерянно пялился на могучего русича, продолжившего бесстрастно, невозмутимо грести.

Между тем, привлечённые криками, на палубу высыпали из кубрика десятка три заспанных аскеров с ятаганами наголо, готовые порубать на куски посмевших восстать рабов. Следом из капитанской каюты, располагавшейся в кормовой части галеры, спешно вылетел и сам капитан «Бешеной пантеры», бывший также и её владельцем: чуть выше среднего роста, крепкий шалмах лет сорока – сорока пяти на вид. Его обрамлённая клочковатой чёрной бородой смуглая обветренная физиономия мгновенно покраснела от пришедшего на смену нештучному беспокойству облегчения, бойко сменившегося праведным негодованием, когда он окинул быстрым взором палубу галеры и увидел, что накотившие было внезапные страхи оказались напрасны, а тревога – ложной; такое ужасное для каждого мореплавателя слово, как бунт, прозвучало совсем не к месту; невольники уверенно гребли в такт барабану, не представляя никакой опасности как для хозяина корабля, так и для дремавшей в трюме в гамаках воинской братии, возвращающейся в Ослямбию из затяжного похода.

– Что стряслось, Силмыз? – по пятам за владельцем судна из его каюты вылез хмурый, невыспавшийся Зелим, страдающий морской болезнью и оттого бегавший всю ночь сначала к корабельному борту, а после и значительно поближе, к старой деревянной кадке, которую ему не без скрытого презрения к высокородной «сухопутной крысе» предоставил в личное пользование «сердобольный» капитан, не забыв перед тем страсти за эту услугу с богатого пассажира полновесный золотой дукат.

– Это я и собираюсь выяснить!.. – Силмыз сурово зыркнул на подбежавшего к нему взъерошенного Илхамина, очумело пучившего оловянные зенки. – Ты орал сейчас, как недорезанный поросёнок?! Чего случилось? И где Гюрхун, раздери его жирный зад Ахриман на банановый мякиш!..

– Я как раз по этому поводу и поднял тревогу, многоуважаемый Силмыз!.. – сбивчиво залепетал упитанный надзиратель. – Гюрхуна больше нет на галере! Был да сплыл!.. Причём, похоже, в прямом смысле!..

– Как ента нет? Не понял!.. – главный мореход оторопело впился очами в инстинктивно вжавшего голову в плечи малодушного подчинённого, вдруг осознавшего, что спросят с него сейчас по полной программе. – Как это был да сплыл?! В каком ещё прямом смысле?! Погулять, что ль, вышел?! Исподними портками бабочек махровых половить? Аль в ближайшую бакалейку за румяными ватрушками метнулся?! Отвечай чётко, бестолочь, покудова я тебя не велел выпороть твоим же хлыстом! Повторяю вопрос: где Гюрхун?!

– Его, это, – начал по новой мямлить мечтавший сейчас провалиться под землю (а точнее, под палубу) Илхамин, – в море, похоже, выкинули!.. Или он сам упал!.. Я точно не знаю, ибо не лицезрел воочию...

– Что-о-о?! – Силмыз ошеломлённо крикнул. – По какому борту?!

– По правому!.. Вроде... – прошептал покрасневший до корней волос молодой надсмотрщик, стараясь не встречаться глазами с явно обозлившимся капитаном.

Толпа аскеров, в нерешительности переминавшаяся на палубе, ломанулась к правому борту, пытаясь разглядеть в чёрных водах Тёмного моря хоть какие-то признаки того, что оказавшийся в мглистой пучине Гюрхун всё ещё жив. Но морская бездна надёжно скрыла все следы совершенного Ратибором убийства.

– Я не понял, так его выкинули с галеры или он сам плюхнулся за перила? – Зелим подозрительным взором обвёл продолжавших молчаливо грести рабов.

– Перила ты встретишь на пути к императорской уборной в Кулхидоре, а на судне этот поручень леером именуется... Но у меня тот же вопросец! – Силмыз отошёл от борта и сцапал толстобрюхого истязателя за ворот замызанной рубашонки, гневно зашипев тому в ряху: – Вещай, дубень! Что произошло?!

– Уважаемый Гюрхун, ента, начал пороть вон того, огромного рыжего чужака, ну а я отвернулся в тот миг к борто́чку, нужду малую справить! Чухаю, говор ещё у них меж собой вроде... Но о чём трещали, не разобрал, ибо ветра по палубе гуляют с утраца, да и беседующие далече от меня находились. Потом вроде – хлоп! Звук какой-то глухой, на удар похожий об дерево, опосля опять чьё-то приглушённое ворчание, ну а далее громкий такой – бу-у-ултых! И-и-и бац – всё!.. А затем лишь буль-буль...

– Слышь, буль-буль, я тебе сейчас сам и хлоп, и бац, и бултых сделаю! Причём одновременно! Следом на дно пойдёшь, коли не напряжёшься и не поведаете, что там за разговор меж ними состоялся! – Силмыз перевёл мрачный взгляд на размеренно гребущего Ратибора, делающего вид, что всё происходящее его нисколько не касается. На него уже вовсю вылупилась находящаяся на палубе толпа осямов вкупе с едко усмехнувшимся Зелимом, хотевшим было что-то брякнуть злобливо-ехидное. Но морская болезнь, очередной приступ которой внезапно накрыл состоятельного наследника рода Тупсов, заставила того опять умчаться к левому борту извергать в тёмные беспокойные волны одну лишь желудочную слизь. Вечерний ужин чванливого тысяцкого давно уже весь пошёл на корм морским обитателям.

– Я не уловил сути, – потупив глаза, жалобно пропищал Илхамин. Впрочем, тут же приободрившись, он торжествующе тыкнул указательным пальцем в Ратибора, злорадно прокудахтав: – Зато отлично расслышал, как этот рыжий варвар, опускаясь на скамейку, проскрежегал мне, что начальник нырнул за морскими сокровищами! И что я отправлюсь вслед за ним, коли подковыляю впритык к этому увальню! И ента было очень похоже на угрозу!..

– Опускаясь на скамейку? Так он что, стоял в тот миг, когда Гюрхун за борт навернулся?! – капитан, недобро прищурившись, сначала ослабил хватку, а после вовсе отпустил Илхамину и в сопровождении пары осямбских воителей торопливо пошёл к Ратибору.

– Ну да! – радостно закивал грузный надсмотрщик, довольный в первую очередь тем, что гнев Силмыза направлен уже не на него. – Я оборачиваюсь на бултыхание, а там этот присаживается!..

– И зачем же ты, раб, поднялся со своей сидушки, а? – подошедший корабельщик холодно вперился яростным взором в неприветливое лицо рыжебородого витязя.

– Хотел ухватить вашего служку за плавник, ведь он ни с того ни с сего изготовился сигануть в море, явно возомнив себя морским осликом... Да опоздал, представляешь?! Какая жалость, я так переживаю! Ента всё ошейник окаянный помешал, будь он неладен!.. – не моргнув глазом, понёс чепуху Ратибор. – Ежели его снять, то в следующий раз я буду половчее!..

– Размечтался! И что за морской ослик?.. В какой ещё следующий раз, чего ты несёшь?! Только не на моей галере! Мне одного бултыхания по горло хватит! – Силмыз раздражённо упёр руки в боки. – А теперь допустим, я поверил в тот бред сивой кобылицы, что ты изрыгнул сейчас! Поведай уж тогда, о чём вы там гутарили меж собой?!

– Попытался отговорить этого, как его там?.. Поросюна вашего от столь опрометчивого поступка, да рыхлый студень и слушать не стал. Прошамкал лишь, что искупаться желает!..

– Его звали Гюрхун... Ты чего, дикарь полоумный, издеваешься надо мной, я не понял?! – Силмыз угрожающе положил длань на посеребрённую рукоять ятагана, болтавшегося в кожаных узорчатых ножнах у него на поясе.

– Да как ты мог такое раскумекать, о великий капитан «Бешеной пантеры», первого в мире ходящего под парусом нужника, у которого даже имечко есть своё, пусть и малость дурковатое, – вполне себе внятно пробурчал рыжеволосый боец, так и не научившийся держать рот на замке, когда этого требуют обстоятельства.

– Что ты сейчас сказал, варвар?! – в очередной раз побледнев от гнева, Силмыз, явно опешивший от такой дерзости, зловеще процедил сквозь зубы: – Кажись, кое-кому жить надоело? Ну так я тебя мигом отправлю следом за Гюрхуном! Правда, по частям!..

– Мыслю, так дело было, – в спину Ратибору зашёл немного оклемавшийся Зелим и, прервав яростную тираду хозяина корабля, задумчиво прогыркал, бросив пред тем мимолётный взор на исполосованный бичом хребет рыжеволосого исполина: – Наш Гюрхун устроил добрую порку этому рыжему великану, но потерял осторожность, и строптивый русич до него каким-то невероятным образом умудрился дотянуться! Ты ведь не предполагаешь в самом деле хоть на секунду, что глава надзирателей мог без чьей-либо помощи оступиться да свалиться за борт?

– Да нет конечно! Гюрхун был опытный мореход, не первый год палубу топтавший!.. Заканчивай уже, Лазар! – вдруг злобно рявкнул Силмыз, обращаясь к долговязому черноволосому рабу-барабанщику лет тридцати пяти на вид, не прекращающему всё это время отбивать размеренный ритм. Барабанная дробь тут же оборвалась. Гребцы, мгновенно сбившись с темпа, принялись махать вёслами как попало, но после повторного грозного рыка капитана уселись смирно, в душе тихо радуясь неожиданной передышке.

– Так, а ну, подь сюда! Рассказывай, что произошло? Ты ведь сидишь харей к галерникам! – Силмыз, поманив к себе пальцем шустро подбежавшего на зов Лазара, подозрительно на него воззрился. – Значит, должен был всё видеть! Однако не прервал ни на миг удары по барабану, я точно слышал! Как так?!

– Повеления же не было остановить барабанную дробь, – недоумённо-смущённо пожал плечами темнокудрый невольник. – А насчёт происшествия... Восходящее солнце слепило моргашки, и я особенно не разглядел. Но мне показалось, что уважаемый Гюрхун сам споткнулся да хлобыстнулся за оградку!..

– Зачем так нагло врёшь прямо в зенки?! Разве, гадёныш, я тебе плохие условия устроил на своей галере? – капитан зло оскалился. – Поднял из гребцов, возвысил до колотушника! Досыта ешь, обильно водицу хлебаешь, крепко спишь, гадишь не по расписанию! Но всё ента можно быстро переиграть! И так и будет, коли не поведает правду! Что случилось на самом деле?! Говори честно, не прикрывай этого варвара! Вы с ним даже не знакомы! И словом, поди, не обмолвились! Так что не темни!..

– Я сказал как было! – Лазар вдруг поднял исхудалую моську и смело посмотрел прямо в ошарашенные очи командира корабля, а после окинул твёрдым взглядом согласно закивавших галерных рабов и громко, так, чтобы все слышали, произнёс: – Надзиратель сам за борт плюхнулся! Ахриманом клянусь! – скрестив пальцы за спиной, барабанщик снова обернулся к Силмызу, не без вызова на него уставившись.

– Ах ты тварь неблагодарная! – увесистый кулак капитана глухо впечатался в угловатое лицо Лазара, разбив тому нос и опрокинув смелого невольника на палубу. – Ещё и с Тёмным

богом на устах брешешь?! Продам за горсть медяков по прибытии! До конца жизни городские уборные драить будешь! А теперь пошёл вон с глаз моих, собака!.. – бросил взбесившийся аскер, после чего обежал недовольным взором пригнувшихся мрачных гребцов. – Место барабанщика свободно! Кто расскажет правду о случившемся, тот сменит весло на барабанные палочки!

Лишь молчание было ему ответом. Рабы хмуро переглянулись и воззрились пред собой.

– Это сотворил он! Этот рыжий вепрь! – вдруг раздался визгливый крик из последних рядов. Голосил белокожий, среднего росточка, человечек, явно не привыкший к прямым солнечным лучам, знатно его уже опалившим. Не обращая внимания на неодобрительно зашумевших на него товарищей по несчастью, языкастый говорун поднялся и, умоляюще вылупившись на спешно топающего к нему Силмыза, громко залопотал: – Я всё изложу как было, уберите только меня с солнца; ожоги уже по телу пошли!..

– Кто таков? – капитан быстро подошёл к белокожему рабу, вопросительно его разглядывая. – Из ялминцев, что ль?

– Из них самых. Темель меня звать...

– Как на вёслах оказался? Ты ведь новенький? По крайней мере, на пути к русам тебя на моей галере не сиживало точно! Ибо твоя нежная белёсая задница не дожидаясь до конца путешествия, Ахриман свидетель!..

– Исправно я службу нёс простым бойцом в нашем войске. И всё было хорошо до одного треклятого денька!.. В общем, на посту как-то стоял... И дал дёру, когда этот умалишённый дикарь со своей дикой ватагой под покровом ночи пробрался в лагерь да подпалил осадные башни...

– Ах вон оно что!.. – ехидно усмехнулся подошедший Зелим, снова отлучавшийся к борту корабля, ибо его опять укачало. – Как же, помню то нехитрое разбирательство!.. Если не ошибаюсь, ты запомнил поднять переполох, даже не подумав отыграть на тревожной свирельке, зато драпанул так, что аж меч с щитом при том забеге бросил, дабы легче прочь мчаться было?.. – тысячник презрительно сплюнул.

– Да, – Темель густо покраснел, – случилась оказия... Испужался я тогда знатно!.. Эти свирепые варвары вынырнули из кромешной мглы, аки призраки кошмарные! А я вдруг так жить захотел!.. Что сам не помню, как на противоположном конце нашего лагеря очутился...

– Ну а после тебя за такое постыдное непотребство военачальник Геркант с позором выкинул из войска, лишил статуса свободного человека да велел отправить на галеры, не так ли? – понимающе хмыкнул Силмыз.

– Всё так...

– Вещай, что видел, только честно! Тогда место барабанщика – твоё! Слово капитана!

– Рыжий кабан надзирателя за борт выкинул, пред этим башкой приложив того о скамью! – с готовностью выпалил Темель, плаксивыми телячьими глазами преданно воззрившись на Силмыза.

– Потому и крика не было, что, похоже, рус его оглушил тем ударом... Или зашиб сразу наглухо. Этот медведь может и не такое!.. – задумчиво прокряхтел Зелим.

– Отцепить ентого белозадога ялминца от скамейки, снять кандалы, накормить, напоить и усадить за барабан! – тем временем шустро распорядился Силмыз, обращаясь к Илхамину и Уфуру, третьему надсмотрщику на галере, банально проспавшему в трюме недавние кровавые события на палубе, ибо у него было несколько законных часов отдыха, скрепя сердце выделенных ему нынче уж покойным главой надзирателей.

– Ну что, варвар, допрыгался? Вот кумекаю, что лучше-то: на рее тебя подвесить аль рыбкам на кормёжку пустить, следом за Гюрхуном? – тем часом капитан уже грозно зыркал на проигнорировавшего его животрепещущий вопрос молодого богатыря, незаметно для окружающих (так, по крайней мере, казалось ему самому), пробуяющего на прочность крепления к

палубе свою дубовую лавку. Ратибора интересовало, удастся ли сидушку выдрать сразу, с первой попытки, дабы завалить ею как можно больше врагов перед намечающейся скорой отправкой в чертоги к Перуну. Увесистая скамья держалась на шести ржавых железных гвоздях да паре-другой не менее проржавевших скоб, так что отодрать её с корнем, в случае чего, не представлялось рыжебородому витязю особой проблемой. Умирать, как покорно идущая на заклание овца, Ратибор не собирался, намереваясь перед смертью отправить к Ахриману в подземелье хотя бы десятка полтора-два аскеров.

– Сиди, не дёргайся!.. Доедешь ты до столицы, ручаюсь! – между тем нервно бросил могучему русичу заметивший его нехитрые манипуляции Зелим, вдруг, несмотря на тёплую погоду, заметно поёжившийся, как от озноба. Ослямбский тысячник, только на минутку представив себе этого взбеленившегося «рыжего медведя», яростно носящегося по палубе со скамейкой наперевес да сметающего, аки стремительный ураган, всё и всех на своём пути, внезапно ясно осознал, что менее всего хотел бы оказаться с ним в тот злосчастный миг на одной галере. Да пожалуй, и в одном море тоже.

– Руса этого не тронь! Он мой пленник. И мне велено доставить его в Нурязим. Приказ принца Джушукана, – Зелим спокойно встал перед командиром корабля, преградив ему дорогу к рыжеволосому гиганту.

– Ты что, очумел?.. – Силмыз угрюмо таранился на высокородного наследника рода Тупсов, нервозно поглаживая набалдашник рукояти ятагана. – Он убил моего человека на моём же корабле, понимаешь?! На мо-ём! – отчеканил по слогам капитан. – При свете дня! Я такого спустить не имею права, иначе весь свой авторитет шустро растеряю! Посему сейчас его вздёрнут на рее! В назидание всем бунтарям!.. Правила я устанавливаю, ибо галера – моя!..

– Галера, может, и твоя, но три с половиной десятка воинов, что ты везёшь домой и кои сейчас на палубе толкуются, – подчиняются лишь мне! Беспрекословно! – Зелим неприятно осклабился. – Посему, если не хочешь, чтобы твоя древняя посуда через пару мгновений сменила хозяина и стала уже моей лодочкой, советую заткнуться и слушать, что я тебе глаголю, как можно более чутко и подобострастно! Ты кому, вообще, перечить удумал, ничтожество презренное?! У меня приказ родного брата самого Эдиза, нашего, всеми почитаемого и обожаемого императора, являющегося ни много ни мало наместником Ахримана в царствии живых! Ты что, червяк вонючий, идёшь против воли Тёмного бога?!

– Никак нет... – Силмыз склонился в глубоком поклоне, быстро сообразив, что перегнул палку. Тридцать пять шалмахов, несколькими секундами ранее выросших позади своего тысячника, точно так же, как Зелим, уверенно положили длани на рукоятки клинков за поясами, миглом остудив пыл капитана «Бешеной пантеры». Соотношение сил оказалось явно не в его пользу, ибо команда галеры из двенадцати матросов, совершенно очевидно, была не ровней значительно превосходящему как по количеству, так и по воинским умениям неожиданно обозначившемуся противнику, ещё минуту назад бывшему экипажу корабля верным союзником.

– То-то же! – Зелим самодовольно свысока посмотрел на поникшего Силмыза, снисходительно при этом прокудахав: – Я понимаю тебя, рыжий громила меня самого порой доводит до белого каления! Прямо хочется его на коржики порубать!.. Но нельзя. Он нужен Джушукану живым, уразумел?

– Так точно! – Силмыз вытянулся по струнке, здраво решив, что ссориться из-за какого-то невольника ни с влиятельным родом Тупсов, ни тем более с братцем владыки Ослямбской империи не следует. Ибо его размажут, как плевок по подошве сандаля, даже не заметив. Угроза Зелима ведь была не пустословием; капитан пожил уже на своём веку, и пусть чуть запоздало, но всё-таки вовремя осознал, что удумай он и дальше упрямо перечить, лишился бы своей галеры очень быстро. Впрочем, как и головы.

– Да, и посади к рыжему кого-нибудь в напарники, хоть одного, – вяло пробубнил Зелим, поспешно направляясь к левому борту; тысячника опять накрыла морская болезнь. – А то не

хватало ещё, чтоб окочился в пути... И более его плетями не лупить! Пошалили и будет. «А то осерчает ещё варвар да развалит енто старое корыто пополам», – уже про себя опасливо просопел наследник Тупсов.

– Понял, сделаем, – Силмыз нашёл глазами Лазара, из разбитого носа которого всё ещё сочилась кровь, и громко ему рыкнул: – А ну, вали давай к своему новому дружке на скамью! Теперь у вас одно весло на двоих до самого Амарака, так что развлекайтесь!

– Амарак, это ближайший портовый городок Солнечной державы, из коего осямы и направились с огнём и мечом в твою страну, – прошептал Ратибору плюхнувшийся рядом на лавку Лазар.

– Ты почему меня не выдал? – могучий великан покосился на измазанное кровью лицо невольника.

– Я что, похож на доносчика? – неловко утираясь, оскорблённо пробубнил новоиспечённый напарник рыжебородого русича по гребле, впрочем, довольно быстро проглотив свою обиду. – Да-а-а, зрелище знатное ты устроил! Я каждый день мечтал, чтоб этот смрадный боров Гюрхун сдох! И очень рад, что мои чаяния сбылись! Ты хоть представляешь, сколько наших собратьев по несчастью он замордовал до смерти? Мы все хотели, прям грезил о том, чтоб этот жирный шакал отчалил в подземелье к Ахриману!.. Надеюсь, Тёмный божок ему раскалённой кочергой в заднице добро пошурует!

– Как-то не очень почтительно ты о своём боге отзываешься...

– Я вифириец, и моя богиня – великая и мудрая Умай! Плодородие и жизнь её призвание! Как и наше! На меня за то и кандалы надели, что не отрёкся я от своей небожительницы!.. – выпалил приглушённо Лазар, гневно при этом сверкнув карими очами. – Осямы, кстати, тоже ранее ей поклонялись, как и большая часть Ивропии, покудова не пришла к Кулхидору эта старая ведьма Урсула, принеся с собой культ чёрного идола Ахримана. Надо было её прям от дворца и гнать шипастыми палками прочь, да слабину дал Озбек, тогдашний правитель шалмахов...

– Я слышал краем уха по пути сюда, что в Осямбии за отказ отречься от своих богов в пользу Ахримана сжигают на кострах?..

– Не всех, Ратибор. А лишь тех, кто не в состоянии откупиться от хвороста под огненным столбом. У меня высокородная богатая семья. Она выложила кругленькую сумму ушлому дьяку Бальтуру, что вёл моё дело. В общем, удалось избежать страшной гибели путём продажи в рабство. Правда, за веслом галеры я частенько мечтал о смерти, не раз пожалев, что позволил родным уговорить надеть на себя рабские цепи... Вот уж целых пять лет я в них маюсь! И конца этому не видно, ибо закольцован, похоже, пожизненно. Родичи, конечно, пытались меня выкупить, и не единожды, но фанатичные жрецы Тёмного божества постоянно пресекали эти попытки; как иноверец и смутьян, я у них на особом счету. Эх, одна надежда, что вся Осямбия разом провалится в преисподнюю к Ахриману, и в первую очередь Нурязим! Ибо столица аскеров – тот ещё рассадник скверны, нечисти да непотребства...

– Вифирия – вассал осов, не так ли?

– Да. Как и Мирградское княжество с недавних пор. Не так ли? – ответил любезностью на любезность Лазар, тем самым слегка передразнив рыжебородого исполина, для которого это была большая тема. Потому могучий русич проигнорировал встречный риторический вопрос, лишь по новой налегая на весло. Но спустя минуту-другую, в конце концов, мрачно гыкнул:

– Ента ненадолго!

– Ну-ну, – еле слышно прошелестел в ответ голос вифирийца. – Мы тоже так поначалу кумекали. И вот уже с тех пор почти сотню лет спины гнём в нижайшем поклоне пред осями...

– Я их хребтины согну, осов, то бишь! Да так, что мало не покажется!.. – сердито насыпаясь, сам себе пообещал Ратибор. И сначала насмешливо-недоверчиво зыркнувший на богатыря Лазар, собравшийся отпустить какую-нибудь колкость по поводу столь грандиозных, по его разумению, мечтаний, вдруг прикусил язык, столкнувшись с холодным голубым пламенем, яростно сверкнувшим в бездонных очах дюжего ратника. Вифириец хоть и знал рыжего витязя всего ничего, но нутром сразу почуял, что данная угроза отнюдь не пустой трёп поехавшего черепицей дикаря, не вовремя словившего солнечную оплеуху.

– Надеюсь, я доживу до этого светлого дня, чтобы лицезреть воочию такое, без сомнения, великолепнейшее зрелище, – пробормотал себе под нос бывший барабанщик, с внезапно проснувшимся воодушевлением бойко вцепившись в громоздкое весло.

Глава 3. Амарак

Спустя несколько суток

Амарак представлял собой внушительный, даже огромный по меркам Ратибора, город с населением не менее сорока восьми тысяч человек. По крайней мере, именно столько значилось в нём людей на момент последней переписи, которая состоялась вот уж как с два десятка лет назад. С тех пор не бедствующий, мягко говоря, портовый град только процветал, прирастая новыми хозяйствами, жилыми домами да горожанами. А вот относительно невысокая трёхметровая кирпичная стена, коей был обнесён Амарак, без должного ухода уж давненько пришла в запустение, что вызывало определённые вопросы; похоже, элементарным основам безопасности, как это ни абсурдно звучит, в ослямбской гавани уделялось преступно мало внимания. Немым подтверждением чему служила расположенная на покато холме внутри города, хорошо видимая с моря, массивная, но очень старая башня. Архаичный донжон наверняка задумывался первыми строителями как небольшая, но надёжная крепость. И безусловно, в стародавние времена так и было. Но сейчас он явно не соответствовал своими более чем скромными размерами и плачевнейшим состоянием основному поселению. Особенно допотопная башенка неприглядно смотрелась на фоне расположенного недалеко от неё, безвкусно сияющего вычурной позолотой, здоровенного четырёхэтажного дворца местного градоначальника.

– Странно, – ритмично гребя, озадаченно проворчал Ратибор, в очередной раз выворачивая шею и с недоумением оглядываясь на Амарак с палубы не спеша приближающейся к портовому причалу «Бешеной пантеры», – а где нормальные стены с турами вокруг городища? Защиты, что ль, нет никакой вменяемой у данного приморского муравейника? Из укреплений только вон та неказистая, обветшала, похоже, из обычного кирпича сварганенная изгородь с главными воротами да древняя, облупленная цитадель в самом граде? Гарнизон, поди, всего из червонца калек состоит? Ха, смех сквозь слёзы! М-дя-я, впервые в жизни вижу такое непотребное разгильдяйство и непозволительную беспечность!..

– А зачем им нормальные стены-то с башнями? – горько хмыкнул сидящий рядом, весь в мыле Лазар, с громадным трудом поспевающий ворочать неповоротливое весло одновременно со своим неутомимым напарником по гребле. – Ослямбская империя распротёрлась между южным Внутренним и омывающим её с севера Тёмным морями. Даже если, предположим, найдётся безумец, кто соберёт войско и решится напасть на Амарак, то как, по-твоему, он ента осуществит? По идее, сигануть на портовый городишко имеется возможность лишь с водной глади, ибо с суши не вариант: для этого надо пройти с юга через центр Ослямбии, сначала перемолов несокрушимый Нурызим! А его если и атаковать, то только с побережья Внутреннего моря, недалеко от которого он и располагается. Впрочем, данный план нападения на столицу крайне нелеп даже в теории и приравнивается к банальному самоубийству, ведь благодаря отвесной скальной гряде да в довесок выстроенным ещё в древности высоченным стенам с воды Нурызим неприступен, это все знают. К Тёмному же морю есть выход, кроме осов, лишь у очень малого количества царств. Например, имеется он у раскинувшейся западнее черноводной пучины, безмерно лояльной королевству аскеров Дакии, прекрасно осознающей, что их, в случае чего, ослямы просто сотрут с лица земного! Кстати, боевой флот дакийцев, если что, прямо скажем, не впечатляет.

Вифириец пренебрежительно шмыгнул носом, устало покосился на внимательно его слушающего Ратибора и негромко, но внятно продолжил: – С северных же берегов Тёмного моря, как ты, надеюсь, ведаешь, расположены обширнейшие печенежские угодья, и у степняков никогда не было кораблей, способных пересечь не то что более-менее большую воду, а даже озерцо какое мелкое! Плюс кочевники боятся шалмахов как огня! Ну а с востока высятся лишь иберийские горные хребты; из-за них доступ к морским глубинам сильно затруднён у

тамошней страны. Да, маленький клочок вассальной Иберии всё же имеет своё взморье. А ещё кучу утлых рыбацких судёнышек и несколько десятков торговых галер, из которых и состоит «грозная» флотилия этого, в основной массе своей гористого государства, – Лазар насмешливо фыркнул. – Как понимаешь, с кораблестроением там туго. Зато камня хоть отбавляй!.. Нет, конечно, морская торговля что с Дакией, что с Иберией идёт вполне себе бойко, но военной угрозы эти ханства как для Ослямбии в общем, так и для Амарака в частности не представляют никакой. Нет, теоретически, досюда можно доползти, вторгнувшись к аскерам по суше с территории названных держав, а также с Вифирии, Лидии и Миллирии, тоже имеющих общие сухопутные границы с шалмахами, но ента вообще бред несусветный, ибо тогда придётся пройти с боем через половину Ослямбской империи, – бывший барабанщик снова ёрнически хрюкнул. – Оттого с защитными укреплениями данного портового городка и беда. За всё время существования Амарака, то бишь за три сотни лет или около того, никто ни разу не пытался его взять. Потому страшное запущение и царит в оборонительных порядках сего града. Кстати, хочу заметить, подобная нерадивость в Ослямбии встречается не только здесь. Повсеместно ветрены осы, ежели лялкать о стенах да крепостях; совсем расслабили пухлые булки свои, праздной житухой избалованные...

– Нет, мне всё же интересно, как тебе это удалось? – разговор двух невольников прервал кипящий праведным гневом Силмыз, не в первый уж раз за сегодняшний день подлетевший с одним и тем же вопросом к Ратибору, впрочем, не забывая держаться на почтительном расстоянии от крайне опасного, по его разумению, рыжекудрого исполина. – Как?! Ты же прикован!..

Речь шла о случившейся поутру досадной неприятности, поднявшей знатный переполох на судне: неведомо куда и каким образом пропал ялминец Темель, сдавший могучего великана за барабанные палочки. Галеру не раз обшарили вдоль и поперёк: безрезультатно. Посему сегодня за барабан присел уже надзиратель Илхамин, задачей которого было дотянуть кое-как до Амарака, где Силмыз намеревался купить нового раба для выбивания тактового ритма. Темель же, похоже, сгинул в зловещих водах Тёмного моря. И скорее всего, явно не по собственной воле. Раздающиеся с утра яростные вопли капитана, пытающегося выведать правду, не возымели никакого эффекта: что случилось с белокожим ялминцем, никто не знал. Или просто не счёл нужным сообщать. Даже за обещанную, опять освободившуюся должность барабанщика.

– Да с чего ты решил, уважаемый, что ента снова рыжий постарался? – плетущийся следом за Силмызом Зелим с раздражением закатил глаза к небу. – Этого трусоватого неженку Темеля мог выкинуть за борт любой из твоих рабов!..

– Любой не любой, а то, что огневолосый убийца уже такой фокус однажды провернул, мы точно с тобой ведаем! – запальчиво буркнул командир корабля, впрочем, хорошо понимая, что, похоже, на этом аргументы в пользу виновности Ратибора заканчиваются. Что и подтвердил ослямбский тысячник, ёрнически в ответ хохотнув:

– И что теперь? Каждый раз, когда у тебя очередной растяпа в воду плюхнется, будем рыжего буйвола винить?

– За семнадцать лет, что я хожу по здешним волнам, такого, чтоб дважды за одно путешествие шлёпнулись за борт, ещё не бывало! – огрызнулся злобливо Силмыз. – И кстати: варвар чего-то там про следующий раз упоминал!..

– Он может и не такое сказать, уж поверь, я-то знаю!.. Усё, не гневись, любезный, – у взиравшего на приближающийся Амарак Зелима, спешившего сойти на берег, ибо он страсть как устал бегать то к кадке, то к борту, было отличное настроение, и портить его себе новостью про сгинувшего раба он явно не собирался. – На, купишь себе по прибытии бочку эля да выпьешь за упокой души этого слюнтяя Темельки, – полновесный золотой дукат, ярко перебиваясь в солнечных лучиках, пролетел по воздуху в ловко подставленную загребушую ладонь капитана, – только не выедай мне мозг под конец путешествия! Ясно же было, что долго твой

новый барабанщик не протянет: во все времена крысёнышей, продавших кого-то из своих собратьев за миску супа, давили опосля безжалостно, аки ядовитых гадин!..

– Не за миску супа, а за барабан, – машинально поправил наследника рода Тупсов Силмыз, по старой привычке пробуя драгоценный кругляш на зуб. Затем, быстро припрятав ценную монету в поясной кошель, корабельный вожак уже примирительно добавил: – Впрочем, этот белозадый ялминец всё равно ужасно на нём отстукивал... Так что пёс с ним! Сдох и сдох! Крабов хоть покормили, чай, тоже дело доброе.

– Я рад, что мы пришли к взаимопониманию, уважаемый, – Зелим довольно осклабился. – А дабы поднять тебе настроение ещё больше, представь, что сейчас я заберу с твоей галеры этого рыжего медведя и более ты его никогда не увидишь!

– Ента, признаться, меня окрыляет чуть ли не пуще злата! – согласно крякнул расплывшийся в щербатой улыбке капитан. – Всего один русич, а сколько с ним проблем!.. Страшно представить, что бы было с Ослямбией, коль он прихватил бы с собой кого из сородичей!..

Силмыз с Зелимом залиvisto заржали в голосину, даже не подозревая, что проблемы, всегда идущие плечом к плечу с молодым богатырём, для Ослямбской империи ещё даже не начинались.

Тем временем портовый город встретил возвращающуюся из дальнего странствия орду на удивление равнодушно, без какого-либо намёка на массовые восторги. Очевидно, ратные подвиги всевеликого ослямбского воинства, сумевшего взять небольшой по меркам аскеров городишко русичей лишь с помощью чёрного колдовства да предательства, никого особо не впечатлили. Лишь малая часть городского люда (и та, похоже, купленная посадником Амарака, дабы уж совсем не плюхнуться рожей в навозную кучу пред императором и его непобедимой армией) довольно вяло, без явного энтузиазма высыпала на пирс встречать с чёрствыми пряниками и весьма паршивого качества винцом вернувшуюся из военного похода ослямбскую рать.

Силмыз, как и обещал, изгнал с галеры Лазара, продав его за бесценок Зелиму, взяв пред тем с вельможи слово пристроить упёртого раба на чистку нужников по прибытии в Нурызим. Тысячник охотно согласился, до возвращения в столицу найдя вифирийцу другое применение: определил бывшего корабельного барабанщика в сопровождающие Ратибору в пути, велев ввести в курс дела рыжебородого богатыря, дабы тот имел хоть какое-то представление об обычаях и нравах страны, в которую, благодаря капризной воле судьбы-злодейки, занесла его нечистая. А в первую очередь Зелим приказал своему новому невольнику разъяснить диковатому великану щекотливый момент, касаемый прав раба. Точнее, полное их отсутствие. Чем, собственно, Лазар и занялся.

Между тем высадка неисчислимого войска на родные берега шла полным ходом. Но тысяча Зелима, в отличие от бойцов подавляющего большинства других воинских соединений, не стала задерживаться в Амараке и его окрестностях, после долгой дороги просаживая в многочисленных местных питейных заведениях свой годовой законный заработок. Наследник рода Тупсов имел вполне ясные указания доставить «рыжего медведя» в Нурызим как можно быстрее. Посему, пополнив припасы еды да воды, Зелим без промедления выдвинулся со своей ватагой в сторону столицы, везя в специальной крытой повозке со встроенной в неё железной клеткой с толстыми стальными прутьями всего одного, но очень ценного пленника, на которого при сходе с «Бешеной пантеры» опять надели массивные цепи.

Лазару позволили ехать в той же кибитке без кандалов и пут, да не стеснённого клетью, а рядом с ней; худошавый невольник, не один уж год находящийся в рабстве, не вызывал у аскеров хоть каких-нибудь опасений, ибо его поведение всегда было вполне себе примерным. Случай на галере, когда вифириец не заложил Ратибора, Зелим посчитал лишь досадной оплошностью со стороны раба, не пожелавшего сдавать своего собрата по несчастью. Командир осов даже отнёсся с некоторым пониманием к проявленному благородству, Впрочем, и не забыв всыпать Лазару плетей в начале пути к Нурызиму. Так, на всякий случай, для острастки. Чтобы

не забывал вифириец, кто тут хозяин. И вот пленённый, снова скованный Ратибор, полуголый, в одних потёртых, замызганных шароварах, в сопровождении конвоя аж из тысячи шалмахов, трясясь по дорожным ухабам, ехал в крытой телеге в сторону лучезарной столицы Ослямбской империи. В Нурызиме его уже нетерпеливо ждал успевший налегке воротиться из похода Джушукан. Принц из рода Кайя, не оглядывавшийся в путешествии на невыносимо медлительную орду аскеров и посему умудрившийся прибыть домой аж с две ночи назад, нервно потирал жадные до денег ладошки в предвкушении того, как он вскорости знатно наварится, добро всколыхнув местное застоявшееся болото под названием Кузгар. Не без помощи могучего русича, конечно.

Глава 4. В пути

– Кто ялминца-то за борт выкинул? – спросил Ратибор, с хитрым огоньком в глазах взглянув на сидящего напротив, с ленцой потянувшегося Лазара. – Это ведь был не я!..

– О чём ты говоришь? – уклончиво ухнул вифириец, принявшись с дурашливым видом разминать затёкшее в дороге плечо. – Темель сам бултыхнулся в море! Ну и даже ежели, не приведи Умай, ему кто-то слегка подсобил из наших братьев, так дятлов никто не любит. Это птица такая, если что. Вредная, да! Тарабанит да тарабанит себе почём зря... Порой так утомляют эти перестукивания, особенно когда голова с утреча бо-бо, что пришибить хочется неугомонную пташку. Или утопить.

– Понятно, – Ратибор не стал учинять допрос и выпытывать имя того, кто из рабов на галере отправил доносчика на дно морское, резко сменив тему. – Сколько от Амарака до Нурия зима переться?

– Пять денёчков, если останавливаться только на ночлег. Трое уже проехали... Как твоя спина?

– Моя-то нормально, – хмыкнул презрительно Ратибор. – Сечки, оставленные на галере покойным пузаном Гюрхуном, вполне себе подзатынулись. Ты лучше о своих царапках беспокойся.

– Мои тоже в норме... Я привычный, – обречённо потеревив свой рабский ошейник, Лазар, одетый в серую полотняную тунику невольника с аляповато изображённым на груди аистом, символом дома Тупсов, которому теперь и принадлежал, грустно улыбнулся. – Да и у Зелима не было цели меня покалечить. Так, для порядка отлупцевал новый хозяин, в щадящем режиме. Ну, чтоб не сдох да ходить мог... В общем, бывало хуже. Хотя, конечно, хорошо, что «Бешеную пантеру» оставили! Под палящими лучами солнца раны затягиваются очень плохенько.

– Здесь, кстати, всегда так жарко? Начало осени, а никакого ветерка прохладного даже не наблюдается.

– Ослямбия – держава южная, тут тепло круглый год. Просто зимой не как у вас, в варварских землях, по рассказам странствующих купцов, нос на морозе отваливается вместе с ушами, а вполне себе комфортно!.. Ну, то бишь тутова зимой примерно так, как на Руси – летом. И это значительным похолоданием считается, если что! Так-то именно в летнее время в Ослямбии на солнышке запросто можно заживо свариться, ежели в теньке не укрыться. Даже казнь такая имеется древняя; оставляют на денёк-другой сушиться скованного бедолажника под знойными лучиками...

– Бр-р-р, какая отвратительная погода!.. Не хотел бы я жить постоянно при такой жаре! Так ведь и в самом деле нечаянно на шкварки разложиться можно, коли задремать на солнышке в обнимку с бочкой медовухи. Ну а без зимы-прекрасницы вообще не представляю себе, как обходиться!.. В сугроб после баньки окунуться, ента же милое дело!

– Сугроб, это куча... как его... снега, да? Такого белого-белого, зимой с неба вместо дождя сыплющегося? Бродячие торгошники, опять же, рассказывали, в ваших краях бывавшие... А что такое банька?

– Ясно... мне всё с тобой, да и с Ослямбией этой. Я так и понял, что моетесь вы тут, замарашки, по большим праздникам, ибо благоухаете все как на подбор. Как разумеешь, отнюдь не черёмухой! Ну да ладно, личное дело каждого... Слушай, я вот чего хотел уточнить: ты тут несколько дней назад Урсулу упомянул. Придворная ведьма при Кулхидоре, то бишь дворце ослямбских владык, как я полагаю? Умеет внезапно появляться и исчезать прямо в воздухе? – Ратибор, откинувшись к задней стене своей подвижной темницы, из-под прищуренных век внимательно взирал на черноволосого собрата по несчастью.

– Ну да, она самая, – вифириец зябко поёжился, несмотря на стоящую на улице жару. – Лучше не связываться с ней, коль дорога как своя жизнь, так и жизни родных и близких. Страшный человек! Настоящая колдунья, Умай не даст соврать!.. Молюсь регулярно втихушку, чтоб забылась тёмная волшебница вечным сном от какой-нибудь пакостной заразы, да всё без толку...

– А почему она не вернулась с осломордыми в Ослямбию?

– Хм!.. – Лазар удивлённо воззрился на могучего исполина. – Как это не вернулась? С чего ты взял?!

– Да с того! Когда меня уводили из Мирграда, видел я её, в путь-дорогу явно не собирающуюся отчаливать. Уверен, смрадная ведунья осталась в нашем граде, при дворе новой правительницы. Прямо из ниоткуда недалече от меня образовалась ента старая навозная муха да как начала мерзко чихать...

– Да ты что? – худосочный невольник озадаченно почесал свою макушку. – Ты в этом уверен?!

– Абсолютно! На ней какая-то хреновина магическая напаялена вроде плаща-невидимки. Ежели бы я собирался оставить её в живых, то предложил бы Урсулке отличный заработок: внезапно объявляться перед безнадёжно тужащимися на нужнике. Убеждён, очередь из страждущих до горизонта растянулась бы! Только, конечно, не её это: людям помогать, добрые дела творить. А жаль, ибо я сам чуть шептуна не пустил от неожиданности, когда енто пакостное насекомое обозначилось перед зенками и давай чего-то там гадливо кашлять!..

– Во дела! Любопытно... – задумчиво пробубнил Лазар. – А ты чаво, взаправду напужался? Хотя, конечно, кашляющая букашка – наверняка то ещё зрелище... Не для слабонервных! Я бы сам до уборной метнулся с перепугу, как пить дать!.. Но значит, что у нас обрисовывается? Колдунья впервые за последние... сколько там, полторы сотни лет решила сменить обстановку?.. А вместо Урсулы, получается, остался при императорском дворе её ученик Зоривес?.. Ну да, больше некому... Очень интересно! Этакая замена произошла. Ротация, то бишь. Покамест непонятно, чем вызванная... Но перемены грядут, это точно! Теперь предстоит выяснить, так же ли опасен новоявленный маг, как егошняя наставница...

– Что ента за лохматая чудинка? – Ратибор, перебив вифирийца, указал очами на странное существо размером с кошку, ловко запрыгнувшее секунду назад на край повозки и нагло уставившееся на двоих невольников. Имелись у забавной зверушки четыре крепкие лапки, покрытое жёсткой короткой щетиной тело, округлая голова с глазами-блюдцами, а также длинный-предлинный хвост, который необычная животинка использовала в качестве пятой конечности, ловко им цепляясь за все неровности да выпуклости. – Видел мельком уже в Амараке, как на берег сходили, да там не до расспросов было.

– Это дикая обезьяна. В изобилии водится в Ослямбии. Завезена с Чёрного материка ещё в стародавние времена. Расплодились тут эти мохнатки нахальные будь здоров! Условия обитания подходят... А ну кыш, кыш отсюда!.. – вифириец лениво замахнулся на неведомое ранее Ратибору животное, и «лохматую чудинку» как ветром сдуло. – Их несколько видов тутова обитает. Конкретно вон это был игрунок, или живчик, так их осы ещё называют. Ежели взять мальцом, то можно легко приручить; домашними питомцами служат для местного люда. А ещё их тут едят. Вялят, коптят, жарят, варят. Сырыми, с кровью даже некоторые гурманы трескают! Есть разновидности, кои специально выращиваются для этих целей. Например, кривляка, или гримасник. Покрупнее игрунков будут, но меньше обычной собаки. Прозвали, сам понимаешь, за то, что рожи корчат кому ни попадя. Я серьёзно, не смейся! Мясо у них – пальчики оближешь! Нежное, мягкое! Что-то вроде откормленного цыплёнка, только вкуснее.

Лазар мечтательно причмокнул, явно соскучившись по доброй обезьяньей вырезке, после чего сокрушённо вздохнул и продолжил:

– Есть ещё гориллы, это самые здоровые из мохнатиков. А также самые сильные, агрессивные и, соответственно, опасные. Дрессировке не поддаются. В природе встречаются довольно редко, предпочитая для проживания дремучие джунгли. Водится горилла только на Чёрном континенте, и добыть её, как лопочут, целое дело! Охота на них сопряжена с большим риском, в первую очередь для жизни самих охотников. Посему вырезка из этих обезьян, конечно, объедение, но и денег стоит немалых. А сердце, мозги и язык, так вообще дорогушие – страсть! Невероятным деликатесом считаются; изысканнее блюдо ещё поискать надобно! Лишь местной аристократии доступно да купцам достатка куда как выше среднего. Ну и есть у этих лохматиков подвид ещё. Старший собрат, так сказать, – Лазар неожиданно перешёл на шёпот. – Бугузом именуют или просто четвероруким людоедом, ибо ходулями могут шуровать так же ловко, как и верхними лапами, одновременно разрывая всеми четырьмя конечностями свою жертву на куски. Минимум раза в полтора-два крупнее сие чудовище, чем обычная горилла. И куда как свирепее! По слухам, ужаснее зверя нет на Чёрном континенте!.. Здоровенные, мощные, бесстрашные; человечинку очень любят в пищу употреблять, потому так и прозвали. Впрочем, с удовольствием лопают и себе подобных, то бишь обезьянок иных разновидностей, а также любых других животных, коих словить им удастся. Вместе с тем обожают лакомиться овощами, фруктами, но не брезгают и насекомыми да падалью. Всеядны, в общем. Говорят, одного такого как раз Зоривес, ученик Урсулы, у себя держит. Огромный как скала тот обезьян! Как вот только мерзкий ведун бугуза приручить умудрился, ума не приложу! Но видели ента страшилище не раз уже! По ночам... Честной люд шепчется меж собой, что чародей эту тварь выпускает в город погулять, как полнолуние аль кромешная, непроглядная темень случается. Или, скорее, поохотиться, как шушукаются на кухнях перепуганные горожане. И это больше похоже на правду! В беднейших южных кварталах, располагающихся на самой окраине Нурызима, его охотничьи угоды раскинулись. И после таких вылазок обычно не все из подгулявших или просто припозднившихся домочадцев у семейного очага с утра просыпаются. Очевидно, подкармливает новый придворный колдун так своего зверька. Раньше он рабов для него закупал, а сейчас, вишь, совсем обнаглел, чего творит! Ну ещё бы, на что не пойдёшь ради любимца, желающего порезвиться! Балует, видите ли... А власть на подобные шалости Зоривеса закрывает моргалики, будто и не происходит ничего!.. Ну ещё бы, он же не рядом с хоромами богатеев питомца своего выгуливает!

– Может, это и не питомец вовсе?.. – задумчиво пробормотал Ратибор.

– А кто же тогда? – Лазар недоумевающе вскинул правую бровь.

– Ну, например, второе обличье тёмного волшебника. Урсула ведь мухой порхает где ни попадя. Так почему же Зоривес не может бугузом рассекать? Он, поди, родом-то как раз с Чёрного континента?

– Вроде того... Я не понял, а что ты сейчас сказал? Урсула что, умеет мошкой обрачиваться?! – от удивления у черноволосого раба отпала челюсть, причем, тут же быстро захлопнувшись назад, после чего он торопливо застрекотал: – Это точно?! Ты поэтому чуть ранее её мухой да насекомым называл? А я сразу не сообразил... М-дя, но ведь ента кое-что объясняет! Ибо так и осталось загадкой, как много лет назад погиб Арыкас, тогдашний властитель нашего Вифирийского царства, наотрез отказавшийся присягать в верности Ослямбии и становиться их вассалом! Точнее, как умер, разобрались вроде; траванули его ядом диковинным, шустродействующим, пыхнув щепотку этой дряни ему в лицо... Неясно же было до сих пор, как убийца проник к нему в палаты! Там охрана такая стояла, мышь не прошмыгнёт! А вот муха аль жучок какой могли бы вполне пролезть. Насколько помню из дела о том убийстве, кое довелось мне читать по молодости, один из ищеек на месте преступления отметил слегка приоткрытую форточку...

– Можешь не сомневаться, через данную щель вонючей мошкой и прошмыгнула ента козявка Урсула, оборотившись потом в ведьму и совершив опосля смертоубийство вашего

самодержца. Затем точно так же улизнула взад. Именно таким образом она и моего князя в чертоги к Перуну отправила! Тактика действенная, явно с годами отработанная... А ты ведь не простой вифириец, то бишь не лаптем щи хлебавший, раз доступ имел к подобного рода секретным грамоткам у себя на родине, верно? – Ратибор с внимательным прищуром взглянул на Лазара.

– Верно, рыжий, верно, – не стал отнекиваться худощавый невольник. – Не простой. Я ведь лялякал, что из родовитой богатой семьи. Забыл добавить, что и из влиятельной, да... Но ты и сам, как я вижу, не лыком шит! Хотя, конечно, на знатного вельможу, за которого можно громадный выкуп запросить, не смахиваешь ни капли...

– Эм-м... Не понял?

– Вот и я никак не могу разумать, огнегривый, за что тебе такие почести?.. – Лазар вопросительно посмотрел на молодого богатыря. – Тысяча доблестных аскеров во главе с самим Зелимом, наследником Тупсов, сопровождает одного раба до Нурызима. Ну не диво ли чудное аль чудо дивное? При этом и на вёслах ты грёб поначалу вообще в одну рожу, что я никогда ранее не лицезрел, хотя не первый год на той галере по Тёмному морю хаживал... В дороге с тобой не сюсюкались, ента уж точно! И сейчас держат тебя в клетке, в оковах, мягко говоря, не особо церемонясь. Но вместе с тем явно пужаясь. Как будто ты хищник какой, невероятно опасный, которого необходимо доставить в Кузгар как можно быстрее, на потеху отнюдь не малёха зажавшейся тамошней толпе. Не пояснишь, чем ты так ценен, что удостоился столь пристального к себе внимания?

– Гутарят, – Ратибор с секунду помедлил, – я очень хорошо умею отворачивать головы.

– Ха!.. Да это понятно, что умеешь! В Кузгар кого ни попадай не тащат; там рубятся настоящие мастера своего дела, лучшие во всей Ивропии!.. – Лазар с сомнением хрюкнул. – И ты, конечно, здоровый кабан, весь в боевых шрамах; любому простофиле при одном взгляде на тебя становится ясно, что не взбиванием масла да рукоделием себе на хлебушек ентот зубр зарабатывал! Да только кумекается мне, этого недостаточно. Таких буйволов по всей Ослямбии не один обоз наберётся! Вон, в том же Амараке наверняка нашёлся бы кто-нибудь не хуже! А в Нурызиме, поди, так вообще войско сколотить из тебе подобных можно!.. К Кузгару ведь со всего Запада стекаются умельцы вскрывать черепа да ломать кости. Зачастую не по своей воле... Да только вот чего-то я не припомню ни у одного из них такой свиты, как у тебя! Так чем же всё-таки ты отличаешься от остальных громил?

– Ну, тогда не ведаю. Может, рыжей гривой? – улыбнулся уголками губ Ратибор. – И смею надеяться, неплохим чувством юмора да неотразимой мужественностью!..

– А ещё раздутым самомнением, как я погляжу! – фыркнул с ёрнической усмешкой Лазар. – Ладно, не хочешь, не говори. Всё равно ведь скоро всё прояснится...

– Я сказал как есть, – негромко проворчал рыжеволосый великан. – Быть может, слегка поскромничал. Отлично у меня получается врагов пополам складывать, чего уж там!.. Ты лучше поведай-ка, кстати, за этот Кузгар, куда меня волокут. Что, балакаешь, за дыра?

– Эта дыра, скромняга ты наш, тебя в могилу сведёт! Скольких она уже проглотила да перемолола, не поперхнувшись при этом ни разу, – вифириец мигом сделался серьёзным. – Названо сие чудовищное сооружение в честь её строителя, Кузгияра Надменного, прадеда Эдиза. Лишь на смертном одре умалишённый предок нынешнего императора дождался, наконец, окончания работ по возведению этой громадины. Более тридцати лет строили; нашего брата невольничьего загубили тьму-тьмушую! Ну ещё бы!.. Ты просто представь себе здоровенный амфитеатр с несколькими ярусами, вмещающими под сорок тысяч зрителей! По центру его – арена, на которой дерутся насмерть, дабы толпу потешить! Вот там тебе не раз представится возможность показать всё, на что ты способен, русич! Все свои боевые умения да навыки вспомнишь! Первую недельку каждого месяца на этом легендарном ристалище бьются до последней капли крови избранные головорезы, лучшие из лучших, набранные с миру по

нитке со всего света! Большинство бойцов – рабы, как мы, но есть и свободные воины, кто за деньги выступает...

– Я не раб!.. – тихо, зловеще рыкнул Ратибор.

– Да неужели?! А кто же ты, уж позволю полюбопытствовать? Может, вольный человек? – невесело съязвил долговязый спутник. – По тебе и видно...

– Эти кандалы с клеткой делают меня не рабом, а всего лишь пленником. Чувешь разницу? – молодой богатырь внезапно подался вперёд и схватил сидящего перед ним товарища по путешествию правой дланью за горло, тут же притянув его к себе так, что лицо Лазара упёрлось в прутья решётки. – Я хоть и скован, но в душе – свободен! И я сброшу с себя ненавистные цепи, даже если для этого мне придётся порубать на чурки всё население проклятой Ослямбской империи вместе с остальной Ивропией! Раб же, ента тот, кто смирился со своей участью, предпочтя всю оставшуюся жизнь взамен того, чтобы биться за свободу, ползать на карачках пред теми выродками, что его захомутали! Ты уразумел? – Ратибор указательным пальцем левой руки, не без труда протиснув и вторую ладонь между массивными прутьями, слегка постучал Лазара по виску. – Раб лишь в твоей голове! Не позволяй безнадёге и отчаянию сломать себя! Если же это произойдёт, знай – они победили, ибо рабский ошейник теперь выжжен калёным железом на твоей душе. Понял меня?

– Да понял я, понял, отцепись, тур рыжий! – прохрипел кое-как вифириец. – Совсем оплоумел, что ль?! – Лазар отпрянул к противоположной стенке невольничьей колымаги, нервно потирая только что отпущенную Ратибором гортань. – Так ведь и ноги протянуть можно!

– Если бы я хотел тебя удавить, ты бы уже давно был покойником, так что не фуняй с перепугу. Поживёшь ещё малость, – рыжебородый витязь снова расслабленно откинулся к стальным прутьям клетки, ставшей ему на время обителью.

– Благодарю, что разрешил!.. И я отлично понимаю то, что ты сказал, чай, не дитя малое! Более того, со всем согласен, без вариантов! И я, ежели чего, не сломлен и не смирился, имей в виду! – пасмурно буркнул Лазар, отворачиваясь от недавнего напарника по гребле и обиженно уставившись сквозь узкую щель между двумя качающимися на входе в крытую повозку полотняными занавесками на строй плетущихся позади ослямбских воителей.

– Ну вот и ладушки! Рад, что мы пришли к взаимопониманию, – ухмыльнулся себе в бороду Ратибор, продолжив как ни в чём не бывало: – А теперь поведай-ка мне, задохлик насупившийся, какая, так сказать, окружающая обстановка в этой вашей Ивропии? Есть серьёзные враги у Ослямбской империи, которые могли бы потягаться с ней силушкой?

– Врагов хватает, но вот тех, кто может оказать достойное сопротивление, нет!.. – с минуту подумав, наконец, нехотя молвил вифириец. – Втихушку нелюбимые многими народностями высокомерные ослямы значительно превосходят любое государство Запада в живой силе да военной мощи, посему никто и не рыпается. За последние полторы сотни лет они уже всех обрюхатили, кто посмел выступить против них. Ты на карту-то Ивропии глянь, все же соседи им дань платят! Мы, то бишь Вифирия, а ещё иберийцы, лидийцы, дакийцы, фраксы, шварийцы да ялминцы с алгурийцами. Только варвары на севере покамест не прогнулись, а именно пикты, бритты, галлы и скотты, но ента потому, что Ослямбии их жалкие островки, на которых они обитают, попросту неинтересны. Задарма не нужны! Оттого заносчивые осы туда с огнём да мечом до сих пор и не наведывались. Ну, даны ещё остались; так те вообще на краю света притулились, посему на их земли тоже плевать ослямам. Как, собственно, и на них самих, ибо уж больно далековато до тамошних угодий пёхать... Да, Миллирия ещё не прогнулась!.. Но как я понимаю, она следующая на очереди. Ну а с учётом того, что миллирийцы гораздо слабее, полагаю, новый вассал у шалмахов не заставит себя долго ждать...

– Поодиночке все слабы, но вместе смогли бы вы размазать аскеров! Почему бы не объединиться ради столь благой цели?

– Эх, ежели бы всё было так просто, варвар! У нас каждый сам за себя. Слишком много противоречий, взаимных упрёков и подозрений накопилось между царствами. Каждый повелитель тянет одеяло в свой огород. Каждый хочет править...

– М-де, знакомо, – горько выдохнул Ратибор, задумавшись о том, как же сказанное Лазаром подходит под описание раздробленной на удельные княжества Руси-матушки.

– Слухай, – вдруг встрепенулся могучий исполин, – у меня тут сложилось впечатление, что рабов в Ослямбии как грязи, то есть ощутимо больше, чем свободного люда. Так и есть?

– Возможно... Да, пожалуй. А ты ента сейчас к чему? – осторожно поинтересовался вифириец.

– Да к тому, что бунт надобно поднять!..

– Забудь, – печально брякнул в ответ тощий попутчик. – Была уже попытка побунтовать, около двадцати с небольшим лет назад. Знаешь, чем кончилась? Всех причастных, а также их семьи под корень вырезали! Разумеешь, о чём я? Нет? Сейчас объясню... Да, хватает тех, кого привезли с Чёрного континента, но значительная часть невольников, по той или иной причине оказавшаяся в кандалах, – родом из вассальных государств. Ведь в Ивропии за любую провинность можно рабский ошейник примерить!.. Проигрался в кости, прогорел в торговле, непочтительно высказался об императоре Эдизе, наступил на ногу ослямбскому вельможе, шмыгнул носом не к месту, случайно аль не совсем чихнул в рожу деревянному истукану, изображающему этого рогатого свинорыла Ахримана... Я сам вот тебе как пример, хоть и неудачный, ибо костёр по мне плачет. Ну да ладно... Так вот, к чему ента я? А к тому, что у всех нас остались близкие в сопредельных королевствах, понимаешь? У меня семья насчитывает со всеми родственниками дальними за три десятка человек! В случае ежели бунт провалится, их всех под нож пустят, смекаешь? Тактика очень действенная; жизнями многочисленной родни никто, если, конечно, он в здравом уме, рисковать не станет.

– Плохо дело, – тяжело вздохнул Ратибор, заметно помрачнев. – А задумка была хорошая...

– Идея поднять рабов на бунт стара как этот мир. И так же дивно прекрасна, – следом за непокорным гигантом зауگریмился и Лазар. – Но в нашем случае, к сожалению, неосуществима. Нашли осы на нас управу!..

– А может, надо сделать так, чтобы бунт не провалился? – без особой надежды пробурчал «рыжий медведь». – Действовать наверняка...

– Стопроцентной гарантии, что бунтовщики не обделаются, никто не сможет дать, так что ещё раз говорю – забудь! – неодобрительно покачал головой верный почитатель богини Умай. – Тебе легко рассуждать, твоя семья далеко за морем, в безопасности! Индейку, поди, аль блинчики под крышей собственной избушки твои домочадцы сейчас трескают за обе щёки да винишком запивают, а наши вот, пожалуйста, рядышком! В общем, риск – дело, конечно, благородное, но не в данном случае... – Лазар испуганно осёкся, инстинктивно отодвинувшись подальше от клетки, ибо по сверкнувшим яростными всполохами глазам могучего русича понял, что чем-то его сейчас порядочно разозлил.

Ратибор тем временем, сжав свои огромные кулаки так, что побелели костяшки, прикрыл очи и сделал несколько едва заметных, но глубоких вдохов и выдохов, с невероятным трудом остановив первоначальный порыв по новой схватить за горло незадачливого собеседника. Только на этот раз уже по-серьёзному сцапать, по-взрослому. Как он это обычно делал с ворогом, прежде чем свернуть тому шею.

– Вы можете и дальше сидеть на заднице ровно, бедолаги, трясясь с мыслью «кабы чего не вышло», мне плевать!.. – сердито прошелестел еле слышно Ратибор, пред тем сумев-таки более-менее взять себя в руки. – Начхать как на вас, так и на всю вашу родню! Так или иначе, но я сровняю с землёй эту империю!.. С вашей помощью или без, но ента случится! Я сказал! – глухо прорычал рыжебородый витязь, резко завершая разговор. Затем «рыжий медведь», явно

сильно обозлившись на своего напарника по вынужденному путешествию за его последние словоизвержения, завалился на бок и отвернулся к противоположной вифирийцу полотняной стенке кибитки, сделав вид, будто собирается вздремнуть.

«Ню-ню! Любопытно будет позыркать, что, как и с чем ты сровняешь!.. Болтать-то все горазды, а как до дела доходит... И чего взъерепенился сейчас варвар?! Что я такого сказал?» – про себя ухнул Лазар, стараясь не смотреть на внезапно осерчавшего русича, в душе возрадовавшись тому, что его отделяют от этого дикого гиганта толстые металлические прутья.

Глава 5. Прибытие в Нурызим

На пятый день пути

– Теперь ты понимаешь, что сдержать своё обещание, то бишь сровнять с землицей Ослямбию, будет, скажем так, несколько проблематично? – снисходительно поглядывая на Ратибора, негромко просопел бывший вифирийский богатей, спрятав при этом безрадостную улыбку в кучерявой, длиной по пупок чёрной бороде.

Могучий исполин ничего не ответил на данный риторический вопрос, продолжая через сделанную для него Лазаром широкую прорезь в пологе, накрывавшем телегу, молчаливо рассматривать Золотой град, как прозвали Нурызим из-за тёмно-жёлтого кирпича, являвшегося основным строительным материалом для подавляющего большинства жилых кварталов столицы Ослямбской империи.

Первое знакомство с городом произвело на рыжебородого великана неизгладимое впечатление. Особенно поначалу, когда вдалеке неожиданно замаячила пронзающая облака иглообразная мрачная тура, бывшая обитель Урсулы, нынче служившая пристанищем её ученику Зоривесу. А также подпирающие небеса пять величавых куполообразных башен, стоящих по периметру Кулхидора, роскошного дворца владыки. Про виднеющиеся на северо-западе Нурызима округлые, чудовищно-завораживающие очертания кузгарской арены уж и говорить не приходится. С того часа Ратибор не мог оторвать пристальный взгляд от медленно приближающегося огромного града, раскинувшегося на побережье Внутреннего моря. Рыжебородый витязь даже не подозревал, что у людей бывают такие большие, показанно кичащиеся своим великолепием и богатством городищи.

Тут необходимо заметить, что молодого богатыря, конечно, в первую очередь заинтересовали отнюдь не позолоченные купола крупнейшего города Ивропии. Прищурясь, внимательным взором Ратибор ощупывал подъездную башню, сами ворота, толщину крепостных стен и количество стражников на них, подмечая про себя все мало-мальски значимые, по его мнению, сведения, за которые удалось зацепиться очами. Как выстроена оборона Нурызима, вот что прежде всего заботило дюжего ратника.

– Никак, сбежать замыслил? – Лазар многозначительно хмыкнул, на свой лад, то есть не совсем верно, истолковав повышенное внимание могучего гиганта к городским укреплениям. – Мечтать не вредно...

– У города нет рва, – констатировал в ответ сей отрадный для себя факт Ратибор, пренебрежительно фыркнув. – Как такое возможно?

– Он был раньше, чуть ближе к центру. Да со временем стал не нужен. Зарыли уж более сотни лет назад. Нурызим разрастался... – Лазар лениво зевнул. От разжёвывания прописных истин его клонило в сон. – Ров ведь требуется для защиты от врага. А кто в здравом рассудке посмеет напасть на столицу Ослямбии? Такого сумасбродного дуболома ещё не родилось на белом свете!

– Как знать, как знать, – лишь буркнул на это Ратибор, трясаясь в валкой кибитке по широкой булыжной мостовой и разглядывая проплывающие мимо двух-трёхэтажные домишки да снующий туда-сюда нескончаемый поток горожан. Совместное путешествие пары столь непохожих друг на друга невольников подходило к концу. Не сказать, что в пути русич и вифириец побратались аль сильно сдружились. Но между ними незримой нитью возникло то, что является незыблемой основой во взаимоотношениях между честными, порядочными людьми. И название тем крепким узам, волей-неволей объединившим двух собратьев по несчастью – доверие. Пусть пока ещё и очень хрупкое.

– Я привёз вашего непокладистого дикаря, принц, как и обещал, – Зелим в почтении склонил голову перед восседающим на пуховых подушках Джушуканом, от такой радостной новости зычно рыгнувшего. Вылебав залпом очередной кубок с вином, младший брат императора, вернувшийся вместе с Эдизом из похода на Мирград значительно раньше основного воинства, вскочил и нетвёрдой походкой проследовал к верному тысячнику, при этом довольно прогнусавив: – Ента прекрасная новость, мой друг! Тебе выпишут ещё один земельный надел... Кстати, отныне ты подчиняешься лично мне. Не Герканту, а мне! Понял?

– Так точно, понял! – Зелим вытянулся по стойке смирно. – Но думается, ему это не понравится...

– Не волнуйся, с военачальником я утрясу данный вопрос, – Джушукан пьяно осклабился. – И плевать мне, что там нравится или не нравится Герканту! Пёс с ним!.. Теперь я твой рулевой, и я тебе приказываю остаться при могучем варваре! Глаз с него не своди, ибо зверюга – ценнее некуда этот рыжий дикарь! Уразумел?

– Да, господин, – согласно кивнул тысячник. – Будет сделано!

– Хорошо! Сегодня отдыхай, а завтра отправь-ка ты его в подземелье Кузгара. Не будем тянуть. Там как раз новая партия отобранных для арены рабов прибыла, вот с ними и определи дикаря рыжегривого. Очередные игрища как раз на носу! Пора Ратибору начать отрабатывать потраченные на его доставку средства, ик! – принц громко икнул, после вдохновенно продолжив: – Да, и пусть с самых низов карабкается по ступенькам славы, никаких поблажек! Заодно посмотрим, не ошибся ли я, такие надежды возложив на этого огнекудрого витязя! Поглядим, чего он стоит на арене, да как покажет себя пред тысячами зевак! Не зачах ли по пути к нам его бойцовский дух, не растерялось ли в дороге воинское мастерство!..

– Понял, уважаемый! Исполним в лучшем виде!

– Я в тебе не сомневаюсь, мой верный служка... ик!

Глава 6. Кузгар

– М-дя, что за сброд! И где вас, растяп, только набрали?! Поди, из канав отхожих вылавливали!.. Ну так очень скоро вы сильно пожалеете, что не остались в них жить!.. – презрительно изрёк облачённый в отличную льняную тунику, короткие, по колено, штаны да лёгкие сандалии высокий, крепкий, совершенно лысый аскер лет сорока пяти – пятидесяти на вид. Из растительности на голове у него имелась лишь поглаживаемая левой рукой каштановая опрятная бородка, бывшая ему по грудь. Заученная наизусть, уж который год произносимая шалмахом тирада, предназначавшаяся для новичков, не произвела особого впечатления на неровный строй из трёх десятков крепких рабов, что угрюмо переминались с ноги на ногу на входе в так называемое подземелье; располагавшиеся под Кузгаром несколько ярусов своеобразных катакомб, служивших временным кровом для всех ратоборцев, коих сочли пригодными для участия в баталиях на потеху всегда жаждущей крови, ненасытной публике.

– Меня зовут Ельвах, я – главный смотритель по ристальщикам на этом, самым Ахриманом благословлённом поле битвы! А также глава стражей Кузгара, что, в общем-то, практически одно и то же в нашем случае. Моя задача – сделать так, чтобы вы все, собаки блохастые, подошли там, на песке, как можно более красиво! – кивнув в сторону возвышающегося рядом монументального сооружения округлой формы, лысый осям, машинально потеревив рукоять болтающегося на поясе добротного одноручного клинка, вальяжно прошлёпал мимо шеренги из тридцати невольников, при этом быстро, но цепко осматривая каждого из новоприбывших.

На безмолвно стоящих широким полумесяцем позади «пушечного мяса» семь десятков воинов Зелима, отконвоировавших более чем вдвое им уступающую по численности ватагу рабов к Кузгару, Ельвах взглянул лишь мельком. Про себя подивившись столь внушительному количеству бойцов, сопровождавших невольников, главный смотритель раскатисто продолжил толкать свою пламенную речь:

– Чтобы любой купец, домохозяйка, башмачник, полупьяный гуляка аль ещё неоперившийся сынишка или дочка, испуганно-восторженно таращащиеся из-под полы матушкиной юбочки на творящееся на арене душераздирающее зрелище, рыдали от умиления, взирая на то, как вас на лапшу рубают! Естественно, не забывая при этом, в зависимости от возрастного оперения, с аппетитом уминать за обе щёки каждый своё лакомство: кто очередную ароматную ватрушку, корзинку абрикосов аль инжира связку, а кто – персиковое винишко с финиковым пивом, что с милой бесстыдной улыбкой за тройную цену впаривают нурязимцам и гостям столицы наши ушлые бессовестные лотошники, ловко меж рядов снующие, аки орава вшей среди ваших сальных волосёнок...

– Соображаешь по насекомым, лысый хрен? То-то я гляжу, на твоей плешивой макушке пустынно, аки на розовой заднице недавно вылупившегося младенца. Как раз, поди, вошки и постарались, аль, может, тля какая окаянная поела твою волосню?.. – раздался басовитый голос из скопища невольников, прерывая занимательный монолог главного надсмотрщика. Это не изменявший себе, опять не к месту показавший крутой норов Ратибор, наконец, очухался после созерцания Кузгара, изрядно потрясшего молодого богатыря своим размахом, кричащей роскошью да величественным видом. Выполненная, как и подавляющее большинство строений в городе, из тёмно-жёлтого обожжённого кирпича, легендарная в Ивропии арена смерти представляла собой грандиозное сооружение, состоящее из двух основных секций: видимой за версту-другую надземной и скрытой от любопытных людских глаз подземной.

Надземная секция, конечно, выделялась в первую очередь высоченными стенами, скрывающими за собой здоровенный овальный амфитеатр и опоясывающие его четыре яруса трибун, в совокупности имевшие высоту под пятьдесят, ширину – семьдесят пять и длину не менее ста шестидесяти метров. Данное грандиозное сооружение попервой поражало воображение

любого, кто имел счастье лицезреть сей гений человеческого зодчества вблизи. Или несчастье, это уж зависело от того, в каком статусе пожаловал в Кузгар визитёр: в качестве непосредственного участника предстоящих кровопусканий или праздного зрителя.

Перед входом же в подземную секцию, структура которой являлась тайной за семью печатями для большинства простых граждан, как раз и замер сейчас Ратибор в компании из трёх десятков невольников, вынужденных выслушивать очередные оскорбления, ушаты которых лились на их многострадальные маковки. И это рыжебородому витязю порядком надоело. За свою жизнь вязкой, цепкой паутинкой дюжий ратник никогда не держался и смерти не боялся, посему мог позволить себе говорить так, как захочет, практически с любым человеком. Начать перед кем-то лебезить либо проглотить оскорбление противилось всему его естеству и значило для огнекудрого великана наступить на горло собственной песне да сильно упасть прежде всего в своих же собственных глазах, чего Ратибор старался не допускать по мере сил и возможностей. А сил, как известно, у могучего исполина имелось с избытком. Чего в данный момент нельзя было также сказать о его возможностях.

Совместному путешествию Ратибора и Лазара пришёл конец. Вифирийца, как и обещал Зелим капитану «Бешеной пантеры», отправили на одну из самых грязных, неблагодарных работ, то есть на чистку общественных городских нужников. «Рыжего медведя» же приобщили к очередной группе невольников, так называемому «мясу», на регулярной основе поставляемому прожорливому ристалищу, которое чем-то напоминает мифическое ненасытное морское чудовище из полузабытых преданий, что жадно, скопом заглатывает людские жизни аки стайки глупых рыбёшек. Правда аль вымысел те древние легенды, неизвестно, но опытные мореходы в припортовых тавернах под хмельными парами запросто могли бы поведать шёпотом передающиеся из уст в уста сумрачные сказания о случавшихся с ними в рейсе необъяснимых, таинственных видениях, наводивших дикий ужас даже на старых корабельщиков, лицезревших всякие разные чудеса на своём веку. Бывалые моряки за кружкой-другой рома, эля аль пива любили негромко потрепаться о якобы не раз ими наблюдаемыми в глубоководных пучинах что Тёмного, что Внутреннего морей громадными тенями здоровенных неведомых созданий, кои неторопливо и грациозно проплывали под днищами их утлых судёнышек. Причём с каждым новым рассказом тени те загадочные неизменно увеличивались в размерах, ведь витающие в хмельных грёзах brave морские волки просто обожали приукрашивать свои страшилки; что было, то было.

Тем временем все присутствующие: и рабы, и аскеры, удивлённо уставились на нахального чужеземца, посмевшего так непочтительно лопотать с самим Ельвахом. Облыселей ос был царь и бог в подземельях Кузгара; именно от него во многом зависела дальнейшая судьба ристалищника. Главный страж мог как способствовать продвижению бойца по карьерной лестнице, выставляя его против явно более слабого противника, так и, наоборот, утопить неугодного воителя одним махом, подложив свинью, то есть отправив на верную смерть, в заведомо неравный бой. Потому с должным почтением относились к Ельваху все кузгарианцы без исключения. До сегодняшнего дня.

– Да тебе, дерзкий краснобай, никак, неприятностей маловато, что ты новые ищешь? Экий ты отчаянный! Что, терять в жизни нечего? И очевидно, некого... М-дя, угадал, похоже, ибо не раз уже я наблюдал подобный отрешённый, безразличный к своей дальнейшей судьбе взгляд, – Ельвах, поначалу онемев от наглых словесов какого-то новоявленного чужестранца, подошёл к полуголому, бывшему в одних шароварах Ратибору и опытным взором шустро его обозрел. В серых очах бывшего воина, оставившего службу в звании сотника, а ныне главного зрителя, повидавшего на своём веку бесчисленное множество бойцов, мелькнуло нечто, очень смахивающее на неподдельное уважение и даже восхищение. Могучий великан впечатлял своим мощным, изрезанным боевыми шрамами торсом каждого, кто его видел, чего уж там говорить. – Кстати... Ты, здоровяк, гляжу, единственный тутова, кто ещё в оковах. Если

ты так же хорош в бою, как на язык несдержан, то тогдаш это неудивительно! Впрочем, очень скоро мы узнаем, как всё обстоит на самом деле. Арена любого поставит на полагающееся ему в жизни место... Снять с него ошейник да цепи!..

– Ента не очень хорошая идея, – буркнул подошедший Зелим, опасливо косясь на хмурого Ратибора. – Мы из-за него в семьдесят рыл и прикандыбали сюда. Будь осторожен, Ельвах! Этому свирепому дикарю человека убить, что тебе кубок с вином осушить! Уж больно буйный!..

– М-де? И что ты предлагаешь? Прямо так, в кандалах его на песок выпустить? – Ельвах насмешливо зыркнул на слегка смутившегося тысячника, а после обернулся к рыжему гиганту: – Ты ведь на людей бросаться не будешь почём зря, медвежара?

– Только ежели кто на пятку специально наступит...

– Тебе, верзила, смотрю, в душе весело, раз дурковать изволишь? Это хорошо! Правда, чую, скоро твоей нахрапистой ряхе будет не до смеха. В общем, слухай сюды, шутник, правила у нас просты: бои вне арены строго запрещены! Ежели пришибёшь наглухо кого в казармах из ристальщиков, расплата у нас за это одна, смерть, – лысый аскер щёлкнул пальцами, и маячившие недалеко стражи Кузгара в количестве двадцати воителей тут же вскинули вверх заряженные арбалеты. – Церемониться с буянами никто не собирается; мигом в чучело дикобраза превратим! Ента всех касается, ежели что! – Ельвах окинул грозным взглядом смурно пялящихся на него исподлобья рабов. – Далее, попытка побега – смерть! Воровство – смерть! Нападение на кого-то из зрителей арены, то бишь охранников, – смерть мучительная, на колу! Живьём насадим, причём – как можно более медленно! Малейшая провинность – смерть! Не понравится мне ваша рожа – смерть! И да, ношение какого-либо оружия вне арены запрещено. Оно выдаётся ристальщикам только перед выходом на пески Кузгара и быренько сдаётся в случае возвращения! У кого найдут ненароком хотя бы не в меру острую зубочистку – за рёбра на крюк подвесим! Всем всё понятно?

Лишь угрюмое молчание было ему ответом. Вопросов не возникло ни у кого.

– Ну раз все всё уяснили, тогда, тысяцкий, снимай с рыжего оковы.

– Под твою ответственность, Ельвах.

– Само собой, уважаемый Зелим. Само собой.

Наследник рода Тупсов нехотя кивнул своим воинам, и вскоре глухо зазвенели упавшие на булыжную мостовую кандалы с цепями, а за ними и рабский ошейник. Ратибор, за время плена уж привыкший к стальным путам, недоверчиво потёр шею, затем посмотрел на красные полосы, оставшиеся на руках и ногах от много дней впивавшихся ему в кожу оков; похоже, следы от них не сойдут ещё долго. Если вообще когда-нибудь исчезнут.

– Теперь вы принадлежите мне! – гаркнул тем часом Ельвах, снова неторопливо прохаживаясь перед строем новобранцев. – Посему топайте-ка вниз! Пришло время знакомиться с новым домом, коим для вас станут подземные казематы. Кому-то лишь до завтра, до первого выхода на пески, а кому-то, может, и повезёт продержаться недельку-другую. Ставлю на кон жаркое из живчика, что, например, вот этот здоровый рыжий губошлёп до следующего утра не доживёт! Ибо за длинный язык я ему устрою песочную головоломку. И весьма скоро!

С этими словами под настороженными взорами арбалетчиков три десятка рабов проследовали через двухстворчатые ворота вниз по наклонным ступеням, ведущим в расположенные глубоко под ареной мрачные недра Кузгара. Никто из невольников не знал, как сложится далее его судьба. Сомнений не было лишь в одном: в их жизни наступают очень крутые перемены.

Глава 7. Знакомство

Вниз, в подземелье Кузгара вела довольно крутая каменная лестница в несколько пролётов, общей длиной не менее тридцати пяти – сорока метров. Сколько в ней точно ступеней, обычно внимательный Ратибор, не очень любивший бывать под землёй, сказать затруднился бы, ибо банально сбился со счёта.

В катакомбах было три основных огромных этажа. На первом, верхнем, располагались два зала ожидания, по одному с северного и южного выходов на арену, предназначавшиеся для готовящихся ступить на песок противоборствующих сторон, а также загоны для диких хищных животных вроде волков, львов, тигров да леопардов и так называемая мертвецкая; в этой мрачноватой комнатке временно хранили тела павших бойцов. Вперемешку с тушами убитых на арене зверей. Обычно к концу кровавых игрищ данная покойницкая была забита чуть ли не под потолок; после, естественно, всё разгребали. Часть тел скармливали тем же хищникам, а часть вывозили. Как поговаривают злые языки, на корм боровам, то бишь в находящиеся в частных заказниках свинарники; не пропадать же доброму мясу. Сердобольные хозяева любили свою домашнюю животинку, периодически балуя обожаемых поросят подобными лакомствами. Впрочем, интерес тут был, конечно, в первую очередь шкурный; балакают, пользующаяся повышенным спросом вырезка из хрюшек-людоедов выходила нежнейшая; прям пальчики оближешь.

Ещё на первом этаже, помимо обширной оружейной комнаты, имелась небольшая темница, представлявшая собой три весьма тесноватые тюремные камеры; в них могли упрятать и за какой-либо проступок, в качестве воспитательной меры, и когда по тем или иным обстоятельствам сразу казнить злостного нарушителя режима не получалось. Однако жизнями ристальщиков, несмотря на заготовленные для ушей новеньких заверения Ельваха в обратном, в катакомбах, разумеется, не разбрасывались; виновники обычно кровью на арене искупали свои прегрешения.

Второй уровень подземелий был отдан под здоровенную, занимавшую треть этажа столовую, а также под врачевальню да казарменные помещения и уборные, предназначавшиеся в первую очередь для довольно многочисленного служивого люда, денно и нощно следящего за порядком в Кузгаре. Речь, конечно, идёт о стражах, коих насчитывалось не менее полутора сотен в подземных казематах. Разбитые на десятки, вооружённые арбалетами, ятаганами да кинжалами, кузгарские дружинники были отлично подготовлены для такой работы, ибо конкретно для неё и натаскивались в течение целого года, прежде чем заступить на подобную, весьма специфическую службу, имеющую, определённо, свои нюансы.

Каждый из натренированных ватажников был готов выхватить клинок в любое мгновение, ибо постоянно держал в уме, что перед ними в большинстве своём фактически смертники, которым нечего терять, ведь разница для них невелика, где умереть: на арене, под радостный хохот беснующейся в исступлении кровожадной толпы, или при попытке побега, в слабой надежде вырваться на свободу. В основном так мыслили представители северных народов, а именно бритты, пикты, скотты и даны, коим не повезло угодить в рабство к осямам. Именуемые дикарями да варварами, непокорные северяне, конечно, мечты об освобождении не оставляли ни на минуту. Правда, были среди них и те, кто на добровольной основе пришёл в Нурызим, дабы за золото, известность и славу биться на кузгарской арене. Попутно они за горсть серебряных кругляшей не раз уже помогали стражникам пресекать попытки побега своих же соплеменников. Стоит ли говорить, что содержались добровольцы также на втором этаже, отдельно от томящихся в неволе земляков, ибо те ненавидели их страшно как предателей рода, то есть пуще лютого врага.

Помимо трапезной да стражних казарм (в которых в обособленном закутке и располагались койки свободных воителей, бьющихся за деньги), на втором ярусе ещё находились подсобные помещения, кухня, комнаты повара с поварятами да конуры для пары десятков невольников-слуг. Последние занимались уборкой, стиркой, а также прочей тяжёлой, грязной работой, например, приведением в порядок песка арены после дневных игрищ и, конечно, перетаскиванием тел павших, куда надобно. Единственное, от чего оказались освобождены кузгарские прислужники, так это от мойки местных нужников; для такой позорной, дурно пахнущей работы регулярно хаживали в подземку специально обученные городские рабы-чистильщики, самому главному начальнику коих, за оказываемые бесплатно услуги по уборке отхожих мест, Ельвах выделил на постоянной основе одно уютное креслице на трибунах с хорошим видом на ристалище. Дукаты же за прочистку уборных, регулярно выделяемые Кузгару из городской казны, глава стражей с чистой совестью клал себе в карман, не стесняясь лишний раз урвать там, где можно. Особливо если это касалось государственных средств. «Ослямбия не обеднеет, а я вот разбогатею» – примерно такие плутоватые мыслишки постоянно крутились в голове у пронырливого лысого зрителя, умудрявшегося из раза в раз облапошивать тугодумных, по его мнению, дворцовых казначеев.

На третьем, последнем ярусе помимо обязательного поста охраны на входе расположились, вмещающие каждое под восемьдесят человек, четыре казарменных помещения для ристальщиков, не по своей воле оказавшихся в Кузгаре; также там нашлось место для отдельной уборной и довольно приличных размеров тренировочной площадки прямоугольной формы, на которой стояли несколько набитых соломой манекенов для отработки ударов да стойки с деревянными мечами, ножами, копьями и топорами. На данный момент невольных ратоборцев насчитывалось чуть более двух с половиной сотен человек, но число непосредственных участников кровавых утех не было устоявшимся и постоянно менялось как в большую, так и в меньшую сторону.

Тут не помешает заметить, что состав бойцов в казармах был исключительно мужской. Хотя нет-нет да всплывали в Нурызиме, в основном за беседами под хмельными парами, осторожные предложения допустить к участию в жестоких играх, например, северных дев-воительниц аль амазонок с острова Тулукоз, но до конкретики так и не дошло. Слишком много имелось противников у такого нововведения. И не сказать, что ослямбская аристократия, активно противодействовавшая появлению женщин-воинов на ристалище, руководствовалась только гуманизмом, нормами морали или заботой о здоровье слабого пола, отнюдь нет. Просто, как с ехидными смешками шептались между собой в кулуарах пузатые сановники, смотреть на бабские бои у них желания нет никакого. Ну а раз у них не имеется, значит, и рядовой обыватель нос воротить будет, как пить дать. А это, в свою очередь, грозит падением интереса и, соответственно, уменьшением доходов от кровавых игрищ. «Чего допустить ни в коем случае нельзя!» – подвёл пару лет назад итог под очередным вялым обсуждением дамских поединков с приближёнными ко двору вельможами неуверенно покачивавшийся на пухлой шёлковой подушке Джушукан, осушивший за время данного унылого заседания не один кувшин со своим любимым ялминским вином и затем мечтавший лишь о том, чтобы как можно побыстрее умчаться с нудного, вызывавшего зевоту совещания к нужнику. Вينيшко настойчиво просилось наружу, бывает.

Время близилось к обеду, когда три десятка новоиспечённых ристальщиков, спустившись сразу на свой этаж, разбрелись по рядам одноярусных коек, высматривая свободные. Места были. Собравшись по неволе, присутствовавшие в казармах, встретили новоприбывших более чем равнодушно, если не сказать – неприязненно, лишь хмуро, искоса оценивая пополнение. Никто новеньких не задирает. Но и подмоги аль участия ждать не приходилось, это стало ясно с первого же взгляда на угрюмые физиономии, смурно, без тени улыбки ощупывающие колкими, порой даже враждебными взорами новых ратоборцев.

– Здесь каждый сам за себя!.. – раздавшийся громогласный рык Ельваха, вновь с помощью шустрых надсмотрщиков построившего перед собой уж было рассеявшихся по казарме новичков, доступно пояснил происходящее Ратибору и компании. – На арене нет друзей, запомните! Ибо в любой миг тот, с кем ты лежал рядом, на соседних кроватях, ел из одной миски, шутил, смеялся и тепло общался, может встать напротив тебя с обнажённым клинком. Сегодня вы желаете друг другу доброго утра и спокойной ночи, а завтра рвёте кадыки на песке Кузгара! Здесь это такая же обыденность, как на свободе глоток родниковой водицы во время душливого зноя. Посему предупреждаю сразу: не вздумайте заводить приятелей! Их здесь нет, осознайте и запомните это простое правило! Чем быстрее усвоите, тем будет легче дальше! А теперь шаг вперёд пусть сделает та пара несчастных олухов, у коих, как мне шепнули, нет боевого опыта! И чем кумекают служивые, совместно с организаторами игр, засылая к нам в подземку таких изредка... Сразу бы уж камнями забивали аль вешали, коли добрую сталь об ихние кости затупить опасаются! Опять, поди, какие-нибудь нечистые на руку канцелярские крысы...

Повисло тягучее молчание. Наконец, из строя робко вышли двое: сорока годков от роду, среднего роста пухлый шалмах с давно немойтой кучерявой шевелюрой и тощий как жердь, высокий, достаточно уже возрастной алгуриец лет пятидесяти на вид с длинными прямыми сальными волосами, также давненько не знавшими воды. Одеты оба оказались в какое-то рваное тряпье; на испуганных лицах виднелись свежие синяки, ссадины да кровоподтёки, неизменный атрибут учинённого над виновными в преступлении допроса с пристрастием.

– Кто такие и как сюда умудрились угодить? – Ельвах недовольно нахмурился. – Что натворили?

– Я Гюльбар, писарь... бывший. При императорском дворе трудился, – шалмах понуро повесил голову, тихо при этом бормоча себе под разбитый в кровь нос: – Брал небольшую плату за то, что без очереди, на стороне черкал подписи нужных должностных лиц на липовых грамотках. Без их ведома, естественно; то бишь подделывал... Когда меня раскрыли и сцапали за жабры ищейки владыки, хотели сначала четвертовать, но после решили, что на арене мне куда уютнее будет. Избили, лишили статуса свободного человека и гражданина, определили в рабы и сослали сюда!.. И всё практически одним днём...

– Понятно!.. Ты теперича вещай, – мрачный взор главного стражника обратился на второго неопытного.

– Зекир я, – дрожащим голосом проскрипел нерешительно алгуриец, затем быстро затараторив: – Счетоводом пахал за медяки как проклятый, не жрамши, не спавши, дни и ночи напролёт у Ильмиса, хозяина «Рыбьей хари», препаршивой портовой таверны на окраине Нурызима! Ну да, обсчитывался иногда, себе за пазуху ненароком лишнее сметая, так не для наживы же, а из благороднейших побуждений!.. Семья у меня большая, кормить да поить девять ртов надобно регулярно, включая сварливую жену с её вреднущей, пришибленной богами матушкой и Хурицию, нашу любимую домашнюю обезьянку... Жрёт, скотина волосатая, за пятерых! А опосля ещё дерьмом кидается, плюётся да гримасничает, тварь облезлая! В этом она похожа на мою, «многоуважаемую» умалишённую тещеньку, м-де... Ну и как-то меня ентот скупердяй Ильмис взял да поймал за лапу, затем сдав без зазрения совести дозорному караулу. И как заподозрил трактирщик, ума не приложу, я ведь был так осторожен!.. Негодяй бесстыжий, не мог закрыть очи... Чай, не шибко обеднел бы!.. Вообще, мне кажется, он просто не любит алгурийцев за нашу искренность, честность, верность и работоспособность...

– Ну ты ещё запомнювал кашлянуть про «неподкупность», олень сивый! В общем, ясно всё! Один – мздоимец и мошенник, второй – честный ворюга. Почему вас сослали к нам, тоже теперича понятно: дьяков, этих москитов поганных, сосущих кровушку простого народа, никто не жалуется. А уж ежели какой гадёныш из них ещё воровать да обманывать удумал, так тем паче! Потому вас, дуралеев, и пригнали сюда, несмотря на то что пером да чернильницей владеете

куда лучше, чем мечом да щитом, – Ельвах презрительно осклабился. – Ну что ж, сами напросились! Рабочий люд с удовольствием позыркает, как чумазым на ручку чистюлям, брезгующим с тяпками в поле вкалывать, кишки на арене разматают. Чернь ента обожает! Ладно, пока все свободны. Обед в полдень; трапезная на втором этаже. При выходе отсюда обязательно отмечаться у охраны на посту. Вопросы есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.